

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Небо
в шоколаде

Наследники Остапа Бендера (Частные
детективы Лола и Леня Маркиз)

Наталья Александрова

Небо в шоколаде

«ЭКСМО»

2002

Александрова Н. Н.

Небо в шоколаде / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2002 — (Наследники Остапа Бендера (Частные детективы Лола и
Леня Маркиз))

ISBN 978-5-699-61585-8

Обаятельного и по-своему честного мошенника Леню Маркиза попросили разыскать родственников некоего Билла Лоусона. Но в этом деле не все так просто. Зачем, спрашивается, здоровому пятидесятилетнему австралийцу старые, больные и бедные родственники из России? Он якобы хочет их осчастливить, заявляет Билл Лоусон, и оставить им наследство! Однако у Лени Маркиза и его напарницы Лолы на сей счет сложилось другое мнение. Наверняка австралийский бизнесмен затеял какую-то хитрую аферу! И только такой авантюрист, как Маркиз, сумеет разгадать его коварные замыслы и помешать господину с другого конца света обмануть неискушенных российских граждан... Книга также выходила под названием «Динарий кесаря».

ISBN 978-5-699-61585-8

© Александрова Н. Н., 2002

© Эксмо, 2002

Наталья Александрова

Небо в шоколаде

Андрей Бакланов сверился с записной книжкой. Адрес был тот самый, нужный ему адрес. Он вошел в подъезд. Лифт, как и следовало ожидать, не работал, нужно было пешком подниматься на седьмой этаж. Впрочем, Андрей поддерживал форму – работа требовала этого – и не слишком огорчился.

Лестница, грязная и полутемная, кое-как освещалась недобитыми сорокаваттными лампочками, и этого света как раз хватало, чтобы разглядеть надписи на стенах и убедиться, что местная шпана умудряется писать с ошибками даже те несколько матерных слов, которые составляют весь ее словарный запас и которых шпане хватает на все случаи жизни.

На четвертый этаж Андрей взбежал на одном дыхании, но потом ему пришлось немного снизить темп – лестница была крутая, и пульс его заметно участился. Подумав, что нужно добавить пару упражнений к утреннему комплексу, Андрей продолжил восхождение.

Сверху послышались неторопливые шаги и тихое покашливание спускающегося человека. Легко промахнув еще один марш, Андрей увидел сутулого худощавого мужчину лет шестидесяти, медленно бредущего ему навстречу. Он шел, опираясь на черную палку и по-стариковски ощупывая ногой каждую следующую ступеньку лестницы.

Бакланов посторонился, пропуская пожилого человека, и мысленно отметил про себя некоторую избыточность, нарочитость, с которой тот демонстрировал свою немошь: вовсе еще не стар мужик, а разыгрывает из себя глубокого старика – наверное, чтобы молодые люди уступали место в транспорте да не загружали дома лишней работой...

Проходя мимо Андрея, мужчина что-то неразборчиво пробормотал. Бакланов оглянулся и спросил:

– Вы что-то сказали?

– Я с тобой попрощался, – проговорил пожилой незнакомец бесцветным скрипучим голосом.

– Поздоровались? – удивленно уточнил Андрей.

– Нет, попрощался, – повторил незнакомец и в ту же секунду мгновенно преобразился.

Напускная старческая немошь слетела с него, как карнавальная маска. Он выпрямился, выдернул из своей трости длинный узкий клинок и молниеносным ударом вонзил его в грудь Бакланову, насадив того на стальное лезвие, как коллекционер-энтомолог насаживает на булавку редкого жука или бабочку.

«За что?!» – хотел было выкрикнуть Андрей, но вместо слов изо рта у него хлынула темная горячая кровь, он захлебнулся ею, хрипло ухнул и провалился в густую, бесконечную и беспросветную темноту, в которой все его вопросы раз и навсегда утратили смысл.

Незнакомец пристально взглянул на дело своих рук, выдернул из груди трупа окровавленный клинок, осторожно отстранившись, чтобы не запачкаться кровью, вытер оружие заранее припасенным куском бумажного полотенца и вложил лезвие обратно в трость.

Затем легкой пружинистой походкой хорошо тренированного человека он взбежал на верхний этаж дома, где имелся выход на чердак. Ключ от двери чердака был у него заранее изготовлен. Пригибаясь и стараясь не испачкаться о пыльные стропила, он прошел по чердаку до следующей двери и вышел на другую лестницу. Здесь он вновь превратился в немошного пожилого человека. Опираясь на трость и осторожно нащупывая перед собой каждую ступеньку, он спустился по лестнице и вышел на улицу как раз в то время, когда из соседнего подъезда донесся истошный женский визг: кто-то нашел труп Андрея Бакланова.

Никак не показывая своей заинтересованности и не ускоряя шагов, пожилой мужчина направился к остановке троллейбуса.

Несмотря на активные протесты жителей Санкт-Петербурга, в городе наступила очередная неотвратимая зима. Это значит – ледяной дождь попеременно со снегом полил или посыпал, изредка прекращаясь, чтобы уступить место сильному пронизывающему ветру с залива.

Зимой недовольны были все. Дети не хотели вставать в темноте, капризничали и придумывали себе несуществующие болезни, как Том Сойер, чтобы не ходить в школу.

Пенсионеры мерзли на ледяном ветру, дожидаясь общественного транспорта, который и летом-то ходит как бог на душу положит, а зимой его вообще нет, и ругали городские власти.

Обыватели давились в душном метро, наступая друг другу на ноги и пытаясь читать через плечо газету соседа.

И наконец, богатые бизнесмены тоже проклинали зиму, потому что на морозе переставали заводиться их «Мерседесы», работающие на экономичном дизельном топливе.

Относительно спокойно воспринимали натуральное свинство, называемое в Санкт-Петербурге зимой, немногочисленные гости Северной столицы – те безрассудные смельчаки, что решились приехать в Россию в декабре. Они настроились на выживание в экстремальных условиях и приятно удивлялись, что в гостинице есть горячая вода, а в баре – широкий ассортимент спиртных горячительных напитков. Находчивые местные гиды уверяли иностранцев, что Санкт-Петербург Достоевского нужно смотреть именно в такую отвратительную погоду, иначе, мол, не будет должного эффекта.

И в довершение всех неприятностей зимой на город идет грипп. Он надвигается неотвратимо, как девятый вал, как татарская конница на древнерусские города, как американский блокбастер на российский кинопрокат, и не щадит абсолютно никого. Болеют все: чиновники и дворники, бизнесмены и ветераны, студенты и пенсионеры. Спасения от гриппа нет, никакие лекарства не помогают, его можно только пережить, как стихийное бедствие.

Мужчина неприметной наружности, неброско, хоть и довольно-таки дорого одетый, запер машину и бегом бросился к парадной, закрываясь плечом от порывов ледяного ветра. Руки его были заняты многочисленными пакетами из супермаркета. Лица мужчины в полутьме было не разглядеть, но по движениям можно было определить, что он довольно молод, лет тридцати пяти, не больше.

В парадной мужчина раскланялся с консьержкой и, не дожидаясь лифта, поднялся на свой этаж. Дверь квартиры он открыл своим ключом, несмотря на то что из-за этой двери раздавался тонкий лай и выразительный женский голос что-то кричал в отдалении.

В прихожей мужчину встретил только крошечный песик породы чихуахуа. Песик радостно прыгал вокруг и пытался заглянуть в пакеты, а при удаче даже пробовал забраться в них.

– Да подожди ты! – отмахивался от него хозяин. – Не до тебя сейчас!

Услышав шум и поворот ключа в замке, молодая женщина, с удобством расположившаяся на широкой кровати, встрепелась, мигом спрятала под подушку половину недоеденной шоколадки и детектив в яркой обложке, легла на спину, закатив глаза к потолку и уронив поверх одеяла безжизненные руки. Вся поза ее выражала полнейшее изнеможение, лицо на фоне умело подобранной наволочки голубоватого цвета казалось мертвенно-бледным.

Маркиз – а это был, разумеется, он – отнес пакеты в кухню, загрузил холодильник, включил электрический чайник и только после этого заглянул, наконец, в спальню.

– Как ты, дорогая? – мягко спросил он.

– Ох, ужасно! – простонала она. – Все тело ломит, и, кажется, у меня снова высокая температура.

Маркиз наметанным взглядом увидел крошки шоколада на простыне и краешек яркой обложки, высовывавшийся из-под подушки. Он наклонил голову, чтобы спрятать улыбку, но голосом себя никак не выдал.

– Сейчас будем пить чай, тебе нужно потреблять много жидкости.

– Только не с лимоном! – заволновалась Лола и скривилась. – От лимонов меня уже всю сводит.

Она даже привстала на кровати, но тут же опомнилась и со стоном упала на подушку.

– Совершенно нет сил! – пожаловалась она слабым голосом. – Руку поднять и то трудно.

– Конечно, дорогая, грипп – это очень серьезно! – кротко присовокупил Маркиз.

Лола исподтишка взглянула на него, заподозрив неладное, но на лице своего верного компаньона она прочла только живейшее, искреннее беспокойство о ее здоровье.

– Что-то ты бледненькая, может быть, вызвать доктора?

– Не нужно никакого доктора! – Лола повысила голос и села на кровати. – Он снова будет делать мне уколы! А ты же знаешь, чем это кончается.

– У тебя от уколов синяки, – согласился Маркиз, – я, правда, не видел, но верю на слово...

– Если бы ты их видел, ты бы ужаснулся! – рассердилась Лола. – Это не врачи, а коновалы какие-то! Укол нормально сделать не могут!

– Раз ты ругаешься, значит, тебе лучше! – заявил Ленья. – Когда тебе было плохо, ты действительно не могла подняться с кровати.

– Мне лучше?! – возмущенно завопила Лола, но, посмотрев Лене в глаза, рассмеялась: – Мне действительно лучше. И зверски хочется есть, просто слона бы немедленно съела!

– Сырого или жареного? – деловито спросил Маркиз.

– Гриль! – заявила Лола и отправилась в ванную, а Ленья поплелся в кухню – жарить слона.

Они не были родственниками, они не были мужем и женой. Они даже не были любовниками. Эти двое – Маркиз и Лола, так они себя называли, так знали их в определенных кругах, – были партнерами. Деятельность их проще всего было бы характеризовать как мошенничество. Ленья Марков по кличке Маркиз ненавидел насилие во всех его проявлениях, будь то убийство крупного бандитского авторитета или же драка бездомных котов на улице. Деньги, как считал Ленья, нужно отнимать у людей хитроумными способами, причем чем умнее и опаснее был тип, которого обманывают, тем интереснее бывало Маркизу с ним потягаться.

Маркиз достиг совершенства в своем деле, он был известен в определенных кругах, но предпочитал всегда работать один, привлекая небольшую группу постоянных помощников лишь по мере надобности.

И вот однажды, зайдя совершенно случайно в кафе у вокзала, которое называлось «Синий попугай», он встретил там Лолу. Девчонка работала по мелочи: сыпала клофелин в кофе и забирала бумажник. Маркиза привлек ее артистизм. Она выглядела совершеннейшей деревенской душой, только что приехавшей в большой город. Никто бы не заподозрил ее в мошенничестве, даже Маркиз, а уж у него-то глаз был наметан! Если бы он от скуки не стал наблюдать за одной парочкой в кафе, никогда бы не стали они с Лолой партнерами. Девчонка, как он и предполагал, оказалась далеко не так проста. Начинаящая актриса «подрабатывала» на хлеб с маслом, потому что жить на ту зарплату, что она получала в театре, было невозможно.

Несмотря на то что Лола оказалась капризной, своенравной и довольно-таки взбалмошной девицей, Маркиз никогда не жалел, что взял ее в напарницы. Когда доходило до дела, все эти ее качества мгновенно улетучивались, Лола становилась послушной, исполнительницей и находчивой. Кроме того, от природы она была умна и привлекательна. В сочетании с артистизмом все это обеспечивало успех всех или почти всех операций, в которых она помогала Маркизу.

Со времени их знакомства прошло почти два года. Они много и плодотворно работали вместе. Маркиз был в делах предельно осторожен, но риск – это неизбежная принадлежность его профессии. И однажды судьба свела его на узкой дорожке с очень влиятельным и опасным человеком – Артемом Зарудным. Зарудный никогда никому ничего не прощал. Так не слишком опасное на первый взгляд мошенничество в итоге вылилось в кровавую драму. Маркизу угрожали, потом похитили Лолу и шантажировали его жизнью девчонки. И тогда он сделал выбор и понял, что Лола для него не просто помощница, а нечто гораздо большее. Что именно – некогда было уточнять. Нужно было действовать. И они действовали.

Лола никогда не забудет, что он спас ей жизнь.

Потом они долгое время жили за границей, но там им не понравилось. Деньги таяли, работать, так сказать, по специальности Маркизу было там трудно – он не знал европейской специфики, да и с языками у него все обстояло не так уж хорошо. К тому же их деловое содружество распалось, потому что там, в Европе, не могло быть у них никаких общих дел. Поблизилось полгода для того, чтобы Маркиз понял, что ему скучно без Лолы.

Лола же не отягощала свою хорошенькую головку тяжкими раздумьями, она и там, в Европе, пыталась играть в театре, но тамошняя избалованная публика была совсем не такой, как в России. Упрямая Лола ни за что не хотела признаваться самой себе, что ей скучно без Маркиза, и, чтобы дать выход своим нежным чувствам, завела собачку. Она назвала крошечного песика породы чихуахуа Пу И, в честь последнего китайского императора.

Неизвестно, какой характер был у покойного китайского императора, ясно только, что в характере его тезки не было ничего благородного. Пу И был хулиганистым и вредным псом, но Лола все ему прощала за привлекательность и обаяние и избаловала его до невозможности. Однако при близком знакомстве песик привязался к Маркизу и даже стал меньше хулиганить.

Они решили вернуться в Россию, но тут ждал их сильно обиженный Маркизом Артем Зарудный. В глубине души Маркиз понимал его чувства и решил вести себя тихо. Но жизнь вновь столкнула их на узкой дорожке, и в этот раз пострадал старый друг и учитель Маркиза – Аскольд. И тогда Леня решил мстить. Месть его была остроумна и жестока: он лишил Зарудного того, чем тот дорожил больше всего, – его денег. А раз не стало денег, то не стало и власти. Зарудный стал безопасен, как ягненок, и Маркиз вздохнул спокойно. Удалось даже подзаработать, жить бы да радоваться, но в этот раз сюрприз ему подкинула Лола. Строптивая девчонка не нашла ничего лучше, как влюбиться в банкира Ангелова, с которым она познакомилась, когда для пользы дела устроилась в его дом работать горничной. Мнимая горничная сумела увлечь банкира, это-то хорошо, так и было задумано, но вот потом, когда операция успешно завершилась, Лола решила, видите ли, уйти к банкиру навсегда! Ей, видите ли, надоела такая жизнь, полная приключений и опасностей, ей хочется тихой пристани! Банкир ее любит и готов обеспечить ей жизнь принцессы.

Несмотря на то что, Маркиз прекрасно знал Лолу, может быть даже лучше, чем она сама себя знала, он был взбешен. Но не показал виду, даже и бровью не повел, когда услышал эту новость.

«Скатертью дорога!» – подумал он, сжав зубы, и пожелал Лоле счастья в личной жизни. Лола же ждала от Лени вовсе не таких слов. Если бы он проявил хотя бы небольшие признаки недовольства, если бы сказал, что ему жаль... но тогда он не был бы Леной Маркизом. Лола тоже мысленно сжала зубы – и ушла. Когда же вернулась через некоторое время, – а иначе и быть не могло, потому что эти двое на самом деле были счастливы только возле друг друга, – оказалось, что место ее занято. То есть не ее, а место Пу И. Маркиз взял в дом огромного черного кота, которого он спас из когтей его помойных недругов, и назвал его в честь своего погибшего друга Аскольдом. Кот принял новое имя с невозмутимостью, и оно так удивительно ему подошло, что здравомыслящему и реалистичному Маркизу на мгновение пришла даже в голову мысль о переселении душ.

Лола, разумеется, вернулась, потому что банкир ей наскучил уже через неделю. Пу И был возмущен до глубины души, увидев в собственной квартире постороннего кота. Но смирился, потому что кот Аскольд никому не позволял себя безнаказанно оскорблять. Понемногу между зверьми установилась политика нейтралитета. С Лолой Аскольд держался независимо. В общем, все четверо были не против совместного сосуществования.

Но выяснилось, что против такого сосуществования активно протестует банкир Ангелов. Он являлся в их квартиру в любое время дня и ночи, заваливал Лолу цветами и подарками, утверждал, что жить без нее не может, и даже начал утомительную процедуру развода с женой, с тем чтобы по окончании ее немедленно жениться на Лоле.

Лола закатывала своему банкиру потрясающие сцены, недаром она была талантливой актрисой. Маркиз послушал их скандалы пару раз, и ему стало скучно – все равно что смотреть в театре «Макбета» или «Короля Лира» каждый день в течение месяца. Пу И недолюбливал банкира с самого начала, поэтому во время выяснения отношений скрывался в комнате Маркиза и лалял из-за двери. Маркиз валялся на кровати в обнимку с котом и тосковал.

По прошествии месяца такой, с позволения сказать, жизни Ангелову и Лоле как-то вдруг сразу надоело выяснять отношения. Банкир занялся своими непосредственными финансовыми обязанностями, обретя в итоге всей этой истории несомненное благо, потому что все же успел развестись со своей стервой-женой, а Лола, чтобы подлечить вконец истрепавшиеся нервы, улетела к теплому Красному морю, прихватив с собой песика.

Она вернулась через три недели, заметно посвежевшая и загоревшая, и тут же свалилась с жесточайшим гриппом. Леня оказался первоклассной сиделкой, он был терпелив и внимателен к своей боевой подруге. Прошло десять дней, и Лола пошла на поправку.

Маркиз ловко хозяйничал в кухне, повязавшись Лолиным кокетливым клетчатым передничком. Из ванной доносилось звучное бормотание – Лола читала Шекспира:

– ...Какого обаянья ум погиб!
Соединенье знания, красноречья
И доблести, наш праздник, цвет надежд,
Законодатель вкусов и приличий,
Их зеркало... все вдребезги. Все, все...
А я? Кто я, беднейшая из женщин,
С недавним медом клятв его в душе,
Теперь, когда могучий этот разум,
Как колокол надбитый, дребезжит,
А юношеский облик бесподобный
Изборожден безумьем? Боже мой!
Куда все скрылось? Что передо мной?..

– Дездемона, иди ужинать! – постучал Маркиз в дверь ванной комнаты. – И вообще, молилась ли ты на ночь?

– Это из «Гамлета», неуч, – холодно заметила Лола, появляясь на кухне в туго затянутом длинном синем халате, подчеркивающим ее тонкую талию – она здорово похудела во время болезни.

– Ну тогда: Офелия, о нимфа! Помяни меня в своих молитвах! – взревел Маркиз так громко, что Пу И удивленно присел на месте и тут же от испуга напустил лужу на пол.

Маркиз покаянно наклонил голову и пошел убирать за собачкой.

Слон не слон, но целая половина жареной курицы лежала у Лолы на тарелке. Леня красиво уложил вокруг курицы разноцветный гарнир из овощей и подвинул ей соевый соус.

– Вкусно, но суховато, – протянула Лола через некоторое время.

– Спиртного больным ни в коем случае нельзя! – твердо произнес Леня, но тут же смягчился: – Ну разве что чуть-чуть, в честь твоего выздоровления. – Он налил в бокалы светлого французского вина. – Дорогая, за твое здоровье!

– Спасибо тебе, Ленечка, ты замечательно за мной ухаживал, – сказала вдруг Лола дрогнувшим голосом.

– Ну что ты, – растрогался Маркиз, – я ужасно рад, что ты вернулась. Скучно так было, дел никаких не наклеивается...

– Да, кстати, о делах! – оживилась Лола. – Тебе большой привет от Лангмана. Я виделась с ним в Мюнхене.

– Что ты делала в Мюнхене? Ты же, по-моему, летала в Египет! – изумился Маркиз.

– Но сначала я заезжала по пути в Германию.

– По пути, – хмыкнул Маркиз, – просто-таки рядом...

– Мне нужно было привести в порядок дела, – упрямо продолжала Лола, – проверить банковские счета, оставить доверенность на продажу своей квартиры, забрать оттуда кое-какие вещи... А тебе я об этом не сказала, потому что ты бы меня не пустил.

В свое время у них были неприятности с немецкими властями, и хоть они разрешились, но один облеченный властью человек советовал им некоторое время не появляться в Германии. Однако Лола всегда делала все по-своему. Очевидно, их добрый знакомый, следовательно страховой компании Лангман, узнал о ее приезде по своим каналам.

– Зачем ты с ним встречалась? – недовольно набычился Маркиз. – Что там еще случилось?

– Ничего особенного! Лангман сам меня нашел. Сказал, что я приехала очень кстати, потому что он хотел бы обратиться к нам с просьбой о небольшой дружеской услуге.

– Ну-ну, – вздохнул Маркиз, – знаю я его просьбы.

– Нет, тут в самом деле ничего такого! – горячо заговорила Лола. – Понимаешь, это просто неофициальная дружеская услуга. К нему обратился его приятель из Австралии...

– У такого человека, как Лангман, не может быть приятелей! – усмехнулся Маркиз.

– Ну, не приятель, а коллега... в общем, этого человека он знает довольно близко. Зовут его Билл Лоусон, и Лангман с изумлением узнал, что у этого Лоусона, оказывается, русские корни.

– Бабушка его была фрейлиной императрицы и сбежала в семнадцатом году, прихватив царские бриллианты! – фыркнул Маркиз.

– А как ты узнал про его бабушку? – заинтересовалась Лола. – Ты что, с Лангманом по телефону разговаривал? Тогда зачем дурака валяешь, если и сам все давно знаешь?

– Так-так, – протянул Леня и машинально отогнал Пу И, который пытался похитить с его тарелки остатки курицы, – рассказывай все по порядку, ничего не пропускай.

– А чаю? – капризно протянула Лола. – И сигаретку выкурить...

– Курить не позволю! – категорически запретил ей Леня. – А чай – пожалуйста, пей. Только конфет я не купил, ты и так ешь много сладкого.

Лола хотела было обидеться, но вспомнила, что уже съела сегодня две шоколадки и что действительно пора перестать капризничать и вновь вернуться к здоровому образу жизни.

– Ну ладно, – она положила на стол записную книжку, – я девушка ответственная, на память не надеюсь, все записала...

– Ага, и забыла на десять дней... – подколот Леня.

– Подумаешь, Лангман сказал, что это не срочно! – отмахнулась Лола и продолжала: – Ну ты слушай! Значит, у этого Билла Лоусона действительно была русская бабушка. Ничего удивительного, после революции русские эмигранты разбрелись по всему свету, даже до Австралии добрались. Но в случае Лоусона это не совсем так, – Лола заглянула в свои записи.

Открылась дверь, и на пороге появился огромный черный кот с белой манишкой на груди. Кот двигался неторопливо, с большим достоинством. Он спокойно подождал, пока Маркиз уберет со стола тарелки и нальет себе и Лоле чаю, и только после этого мягко прыгнул к нему на колени. Пу И, с негодованием наблюдавший за котом из-за угла, немедленно подошел к Лоле и прижался к ее ногам. Кот и ухом не повел, он вообще мало замечал это мелкое, истеричное, громко лающее создание.

– Значит, его бабушка была дочерью профессора Ильина-Остроградского. Знаешь такого? – спросила Лола.

– В первый раз слышу! – честно признался Маркиз. – А кто это?

– Этот Лоусон утверждает, что его прадед был знаменитым путешественником, этнографом, исследователем культуры народов Африки.

– Как Миклухо-Маклай, что ли? – оживился Маркиз.

– Вроде того, – согласилась Лола.

– Скажите пожалуйста, как сильно человек интересуется собственными предками! – деланно удивился Маркиз. – Я вот, например, понятия не имею, кем был мой прадедушка.

– Твой прадедушка был шимпанзе! – заявила Лола. – Потому что ты, Ленечка, дико необразованный. Ты даже не можешь отличить Шекспира от Лопе де Вега и Гоцци от Гольдони!

– Это точно, – согласился Маркиз. – Гоцци от Гольдони мне слабб...

Лола ожидала, что Маркиз рассердится и начнется обычная их, почти семейная, перепалка, но Маркиз на этот раз не оправдал ее надежд, и Лоле стало скучно его шпынять.

– Значит, у этого самого Ильина-Остроградского было три дочери. Сам он умер еще до революции, а дочери остались. Вернее, две дочери остались в России, а третья, старшая, которую звали Анна, унаследовав от папочки любовь к путешествиям, обстригла волосы и нанялась на корабль юнгой.

– Чушь какую-то ты рассказываешь, – недовольно заговорил Маркиз, – прямо приключенческий роман Сабатини! Ну, понятно, семейная легенда, этот Лоусон начитался пиратских романов, но как Лангман-то на такое купился! Ведь он вроде здравомыслящий человек!

– Слушай, что ты все время меня перебиваешь?! – закричала Лола так громко, что Пу И отскочил от нее на середину комнаты.

– Пу И, не смей писаться! – приказал Маркиз. – Мне надоело уже за тобой убирать!

Кот Аскольд негодуяще фыркнул – с ним-то в этом плане не было абсолютно никаких хлопот, кот прекрасно умел пользоваться туалетом и даже спускал за собой воду.

– Давай я сначала все доскажу, а уж потом ты будешь возмущаться! – предложила Лола тоном ниже. – И я не понимаю, отчего ты так настроен против этой истории? Тем более что еще не выслушал ее до конца.

– Отчего-то мне все это не нравится, – задумчиво пробормотал Маркиз, – но ты права, рассказывай дальше, а там посмотрим.

– Значит, бабушка, эта самая Анна, в возрасте шестнадцати лет дала деру из России, и сделала она это очень вовремя – в одна тысяча девятьсот четырнадцатом году, пока еще можно было. Потом началась Первая мировая война – то-се, удрать стало не так-то просто. А потом – и вовсе невозможно.

– Ну, что тогда началось в России, мы себе примерно представляем, – согласился Маркиз.

– Да, а бабуля нашего Билла Лоусона посчиталась немножко по свету, послала подальше свою любовь к приключениям да и выскочила замуж за австралийского промышленника по фамилии...

– Лоусон...

– Точно. О чем и сообщила своим родственникам в Санкт-Петербург, а до этого, зараза такая, ни строчки им не присылала. Поскольку произошло это событие в девятнадцатом году, счастливая новобрачная, как ты сам понимаешь, ответа на свое письмо из России не получила,

соответственно посчитала, что родственники на нее обиделись, и приняла решение – впредь не поддерживать с ними совершенно никаких отношений.

– Очевидно, ей не пришло в голову, что ее родственников могло не быть в живых, – заметил Леня, – их могли посадить, расстрелять, наконец, они могли просто умереть от голода или от тифа...

– Австралия, что же ты хочешь! – Лола пожала плечами.

– Ну и что было дальше? – Леня поморщился.

– Дальше они все жили в своей Австралии долго и счастливо. Муж Анны разбогател. Она скончалась в возрасте восьмидесяти шести лет, пережив не только мужа, но и сына, отца нашего Билла Лоусона. Перед смертью она вновь вспомнила о родственниках в России и даже хотела их разыскать, но какой-то умный человек посоветовал ей этого не делать, чтобы не причинить родне неприятностей. Она сдалась, но якобы завещала внуку: если будет возможность, провентилировать этот вопрос. Внук, конечно, обещал, но не торопился этого делать. А потом у нас началась перестройка, многие стали искать своих родственников. И этот Билл Лоусон тоже решил попытаться.

– Почему же он не обратился в компетентные органы и не начал искать своих родственников официальным путем, через какую-нибудь юридическую фирму? – прищурился Маркиз.

– Что ты меня все время в чем-то подозреваешь! – возмутилась Лола. – Я рассказываю тебе только то, что узнала от герра Лангмана. А он, в свою очередь, получил информацию от самого Билла Лоусона. Надеюсь, хоть Лангману ты доверяешь?

– В разумных пределах, – проворчал Леня.

– Представь себе, Лангман тоже задал ему этот вопрос. И Лоусон ответил, что хочет найти родственников, если они у него еще есть, конечно, так сказать, инкогнито. А то, если делать все официально, они сразу безумно обрадуются, понаедут все жить в Австралию...

– Жлоб! – прокомментировал Леня.

– Возможно, – Лола не стала спорить, – но нам-то какое до этого дело? Нас просит об услуге не он, а Лангман. А Лангману мы обязаны, и он в дальнейшем может вновь нам пригодиться, так что отказывать ему только потому, что тебе лень заниматься таким пустяковым делом, я считаю неразумным. Кроме того, Лоусон еще сообщил, что не стал бы обременять Лангмана, если бы не обратился уже с этим делом в одно петербургское агентство. Кто-то ему их порекомендовал, он связался с ними и поставил перед ними задачу.

– Что за агентство, детективное? – заинтересовался Леня.

– Вроде бы. Но частное, так что оно гарантировало Лоусону полную конфиденциальность, чего он и добивался.

– И что?

– Да ничего. Взяли аванс, сказали, что поставили на это дело человека, а потом замолчали, ни ответа от них, ни привета. А по прошествии нескольких недель они заявили, что от дела отказываются, у них, дескать, несколько иной профиль работы – они выполняют заказы ревнивых жен и мужей. Так им спокойнее, и переквалифицироваться они не хотят.

– Аванс вернули? – с интересом спросил Леня.

– Разумеется, нет.

– Ну все ясно! Провели богатого австралийского лоха. Кстати, что это за агентство?

– Называется «Эркюль Пуаро», – с усмешкой сказала Лола, – хорошее название, неизбитое.

– А главное, скромное! – подхватил Маркиз. – Насколько я помню романы старушки Агаты, Эркюль Пуаро никогда не занимался слежкой за неверными супругами...

– Наш австралиец очень рассердился и решил действовать старым проверенным способом – по знакомству, – продолжала Лола. – Вот и обратился к Лангману. Он хочет, чтобы для него собрали все сведения о потомках профессора Ильина-Остроградского. По рассказам

бабушки, в девятьсот четырнадцатом году здесь оставались две ее сестры – Мария и Татьяна – и мать, Софья Николаевна. Мария – рождения девятьсот пятого года, а Татьяна – девятьсот восьмого. Сейчас, разумеется, их нет в живых, но могли остаться их дети и внуки.

– Плохо, что все женщины, – вздохнул Маркиз, – замуж вышли, фамилию поменяли – и все, нет больше никаких Ильиных-Остроградских.

– Вот еще адрес. В четырнадцатом году у профессора была квартира на Пушкарской улице, доходный дом купца Шестапалова.

– Ты издеваешься?! – вскипел Маркиз. – Того доходного дома наверняка и нет уже давно!

– Отчего же? – Лола пожала плечами. – Старые дома крепкие, может, там и сейчас люди живут...

– И бабульки на лавочке вспомнят профессора Ильина-Остроградского, – ехидно ответил Маркиз.

– Так ты берешься за это дело? Тогда надо Лангману позвонить, что мы согласны.

– Как-то я сомневаюсь, – неуверенно заговорил Маркиз, – что-то мне в этом Билле Лоусоне непонятно. За каким чертом ему вообще эти родственники сдались? Бабушка перед смертью просила найти? Тогда отчего он так долго собирался? Сама посуди, бабуля скончалась уже давно, ну, когда был железный занавес, а после развала Союза он совершенно спокойно мог найти своих русских родственников, никто бы ему и слова не сказал.

– Он одинокий, решил присмотреть возможных наследников... Так и Лангману объяснил: дескать, если найдутся среди российских родственников приличные люди, он об этом подумает, а если они все пьяницы и бандиты, тогда он какому-нибудь фонду все деньги завещает.

– Говорю, жлоб! – припечатал Маркиз. – И кстати, с чего это он о смерти задумался? Ведь ему, по моим подсчетам, должно быть не больше пятидесяти, еще вполне жениться можно и наследников заиметь!

– Ну, не знаю, может, у него СПИД или еще что-нибудь! – заорала потерявшая терпение Лола. – Вот он и решил заблаговременно передать свое богатство в надежные руки.

– Ладно, не кипятись, – примирительно заговорил Маркиз, – сделаем мы все, раз Лангман просит. Ты пока выздоравливай, набирайся сил, я сам этим займусь. И начну с этого самого агентства «Пуаро».

– Да зачем тебе эти охламоны нужны? – фыркнула Лола. – Они же ничего не выяснили...

– Из принципа, – твердо ответил Маркиз, – раз они деньги взяли, должны их отработать. А то в самом деле – совесть надо иметь...

Из кухни донесся оглушительный грохот. Маркиз стремглав бросился туда и застал трогательную картину.

Кот Аскольд и Пу И, обычно демонстративно не замечавшие друг друга и всячески подчеркивавшие взаимное презрение, дружно восседали на полу вокруг остатков курицы, которую стащили со стола, и расправлялись с ней, громко хрустя костями.

– Аскольд! – с нескрываемым возмущением произнес Маркиз. – Ну уж от тебя я такого не ожидал! Ведь ты такой солидный, воспитанный кот!

Аскольд смущенно покосился на хозяина. Скрывать следы преступления было уже поздно, и поэтому он только жалобно мурлыкнул, постаравшись тем самым сказать, что его подбил на это злодеяние невоспитанный, вульгарный, хулиганистый чихуахуа...

Детективное агентство «Эркюль Пуаро» Маркиз быстро отыскал по компьютерной базе данных. Агентство размещалось в шестиэтажном старинном доме на Загородном проспекте, однако подъезд дома оставлял желать лучшего: краска на входной двери основательно облупилась, лестницу не мыли, наверное, с тех давних времен, когда доходный дом стал народной собственностью, а домовладельца отпраздники чистить снег на улицах.

Тем не менее, поднявшись на третий этаж и найдя нужную квартиру, Маркиз увидел вполне современную офисную дверь, украшенную миниатюрным глазком видеокмеры. Придав своему лицу абсолютно благонадежное выражение, Леня нажал на кнопку звонка и приготовился к долгим переговорам с суровым охранником. Однако его ожидания были обмануты. Дверь распахнулась без всяких уговоров, и Леня вошел в офис агентства.

Внутри царил ужасающий беспорядок. На столах громоздились высоченные груды папок и скоросшивателей, коробки с дискетами и видеопленками, фотоаппаратурой и деталями компьютеров. В одной из таких коробок рылся невысокий полноватый человек. При появлении Маркиза он вылез из коробки и отряхнулся от микросхем и фотопленок, как выбравшаяся из реки собака отряхивается от воды, рассыпая вокруг себя брызги.

Повернув к Маркизу широкое веснушчатое лицо, толстяк извиняющимся тоном проговорил:

– Мы в новый офис переезжаем. Я здесь один остался... А вы, наверное, Апельсинов? Застукали вашу жену, застукали, я вам сейчас все фотографии отдам. Это просто «Плейбой» какой-то! Или «Пентхаус». С вас, кстати, еще двести пятьдесят баксов...

– Вовсе я не Апельсинов! – прервал Маркиз толстяка, наскоро посочувствовав в душе несчастному обманутому цитрусу. – Я по совершенно по другому делу.

– А по какому? – насторожился толстяк. Глазки его забегали. – Вы не из налоговой? Так я ничего не знаю! Я здесь вообще случайный человек.

– Нет, я не из налоговой, – успокоил его Леня, – а если вы ничего не знаете, так, может, вы скажете мне адрес нового офиса, я там найду кого-нибудь более информированного?

– Нет, это я только для налоговой ничего не знаю, – толстяк мгновенно успокоился, – а так – пожалуйста, я отвечу на любые ваши вопросы. А в новом офисе пока все равно никого нет, там ремонт делают. Так что вас конкретно интересует? У нас, знаете ли, очень известное и популярное детективное агентство. Среди наших клиентов есть такие значительные персоны, такие персоны! – И толстяк закатил глазки. – Если бы не принцип анонимности и конфиденциальности, которого мы строго придерживаемся, я назвал бы вам несколько очень, ну очень громких фамилий...

– А я хотел бы услышать от вас одну не очень громкую фамилию. Не так давно в ваше агентство обратился некий господин Лоусон из Австралии, пожелавший разыскать в России своих давно потерянных родственников. Кто из ваших сотрудников занимался этим делом?

Леня прекрасно понимал, что «всухую» ему на такой вопрос не ответят, поэтому в руке у него волшебным образом, как козырной туз из рукава шулера, возникла зеленая стодолларовая купюра и призывно зашелестела с целью оживить память и сговорчивость толстяка. Но тут произошло нечто необъяснимое, нечто, граничащее с чудом и достойное Книги рекордов Гиннесса. Сотрудник агентства «Эркюль Пуаро» никак не отреагировал на купюру!

Маркизу в своей жизни приходилось наблюдать, как при виде такой купюры слепые прозревали, а глухие безошибочно узнавали на слух божественный, свободно конвертируемый шелест. Но впервые на его глазах скромный офисный служащий равнодушно отвернулся от сотни зеленых. Более того, в его лице и движениях возникла напряженная враждебность и плохо сдерживаемая неприязнь, и он прошипел, с угрозой двинувшись на посетителя:

– Не знаю никакого гражданина Австралии! Вообще про Австралию в первый раз слышу!

– Вы меня неправильно поняли, – пробормотал Леня, медленно отступая к дверям, – я только хотел поговорить с вашим сотрудником... я сам довожусь этому австралийцу дальним родственником... так сказать, седьмая вода на киселе... хотел, знаете, узнать о здоровье дяди Билла...

– Агентство закрыто! – прошипел толстяк. – Закрыто на неопределенный срок! А я у них просто порядок навожу! Пыль вытираю! И, между прочим, за сохранность имущества отвечаю! Ходят тут всякие, а мне потом отдуваться! Мало ли что пропадет! Так что вали отсюда, дядя,

подобру-поздорову, можешь прямым ходом отправляться к своему австралийскому родственнику! У меня, между прочим, второй дан айки-до и третий дан айки-после!

Толстяк имел определенно угрожающий вид, а драка в чужом офисе совершенно не входила в Ленины планы. То есть он запросто мог бы отлупить толстяка, потому что Маркиз-то был физически развит, поддерживал себя в форме. Но, во-первых, как уже говорилось, Леня Маркиз ненавидел насилие во всех его проявлениях, а во-вторых, он понял, что таким путем не получит никакой информации, а только восстановит против себя сотрудников агентства навеки. Информация же была ему необходима. Поэтому он поспешно покинул помещение и прикрыл за собой дверь.

Спускаясь по лестнице, он удивленно размышлял о том, как изменился добродушный толстяк при упоминании австралийского «дядюшки». Агентства типа этого «Пуаро» занимаются, как правило, мелкими безопасными делами вроде слежки за неверной женой Апельсинова; самое большее, чем рискуют агенты, – получить по морде от застигнутого врасплох любовника. Поиски русских родственников богатого австралийца – задача не более трудная и опасная, нежели это. Почему же толстяк так расвирепел?

Размышляя об этом, Маркиз вышел на Загородный и подошел к переходу – ему нужно было пройти до того места, где он припарковал машину. Поток автомобилей остановился перед светофором, и Леня спокойно шагнул на мостовую. И вдруг с бешеным ревом мотора прямо на него ринулась темная иномарка с тонированными стеклами.

Бывают моменты, когда тело человека действует самостоятельно, не дожидаясь команды разума. Только эта мгновенная, чисто инстинктивная реакция и спасла Маркиза. Совершив немыслимый прыжок, он вылетел из-под колес темной иномарки и приземлился, больно повернув ногу, на противоположной стороне улицы. Сутулая старуха в поношенной дубленке – явно с чужого плеча, – в очках с железной оправой и с горящим взглядом потомственного «активиста» помогла ему подняться и проскрипела голосом, полным праведного негодования:

– Гоняют, паразиты, как оглашенные! В суд надо подавать на паразитов! Жалко, я номер прочитать не смогла – грязью его, паразиты, замазали. Но все равно в суд надо подавать на паразитов!

Леня поблагодарил отзывчивую бабушку и похромал к своей машине. Инцидент с иномаркой ему тоже очень не понравился – впрочем, а кому такое может понравиться?!

Вернувшись домой, Маркиз застал свой небольшой походный зоопарк в состоянии полного благодушия. Со шкафа на него невозмутимо уставились загадочные зеленые глаза древнеегипетского божества – Аскольд, как всегда, выбрал для себя самый высокий пост. Пу И сонно посапывал, лежа в корзинке под столом, свернувшись клубком на розовой подушке с оборками. Из ванной доносилось темпераментное бормотание – Лола, как обычно, исполняла под душем обрывки драматических монологов. Сейчас она, кажется, декламировала что-то из чеховской «Чайки».

Леня плюхнулся в кресло и глубоко задумался.

Он жалел, что Лола в данный момент находится вне пределов его досягаемости – если бы Леня высказал ей все, что он думает о легкомысленных девицах, которые имеют удивительную способность ввязываться в серьезные неприятности, да еще и втягивать в них своего верного и надежного партнера, ему, несомненно, полегчало бы... Да еще и отшлепал бы он ее как следует... Потому что Леня Маркиз неким шестым чувством ощущал: дело это принесет им множество хлопот и совсем не принесет денег. Работать же даром Маркизу не позволяло сильно развитое чувство собственного достоинства и здравый смысл.

Эти размышления были прерваны самым грубым и неожиданным образом. Аскольд, тонкая и глубоко чувствующая натура, понял, что хозяин нуждается в моральной поддержке, и соскочил со шкафа прямо к нему на колени. Приземление огромного десятикилограммового кота могло привести неподготовленного человека в состояние шока, но Маркиз хорошо

знал Аскольда и многое прощал ему. Он оценил двигавший котом дружеский порыв, почесал Аскольда за ухом и прочувствованно произнес:

– Только на тебя, Аскольд, я и могу положиться в трудную минуту! Только с тобой и могу обсудить свои проблемы!

Аскольд тоже оценил дружеское доверие хозяина, потерся щекой о его руку и негромко басовито мурлыкнул, постаравшись вложить в этот звук всю полноту своего сочувствия и готовность немедленно выслушать все, что накопилось у Маркиза на душе.

– Чувствую печенкой, а ты знаешь, Аскольд, какая она у меня чувствительная, – доверительно проговорил Леня, почесывая Аскольда за ухом, – что не так все просто с этим австралийским дядюшкой! Как изменился в лице этот толстяк из офиса «Эркюль Пуаро» при одном упоминании мистера Лоусона! И инцидент с иномаркой, когда я чуть не попал под колеса, тоже явно не случаен... Нет, похоже, что Лангман под видом этого австралийского кенгуру подsunул нам здоровенную свинью! Нет, умеет все-таки Лолка вляпаться в неприятности!

– Может быть, она это не нарочно? – доверительно мурлыкнул снисходительный Аскольд.

– Может быть, она это не нарочно? – раздался голос самой Лолы.

Она стояла в дверном проеме, завернувшись в огромное махровое полотенце, расписанное яркими попугаями, и виновато смотрела на Маркиза. Леня невольно залюбовался своей подругой и партнершей.

С самого начала между ними установился негласный договор – не вносить в отношения ничего личного, оставаясь в рамках чисто делового сотрудничества, а говоря по-простому, не доводить дело до постели. Иногда это бывало нелегко, например в данную минуту. Но Леня отлично понимал, что только при соблюдении этого договора они смогут и дальше успешно работать вместе: секс сразу разрушит их удачное деловое партнерство.

Тяжело вздохнув, он отвел глаза от прекрасного видения.

– Ленечка, честное слово, я не нарочно! – повторила Лола. – А что, у нас действительно серьезные неприятности?

Маркиз с удовольствием услышал это «у нас»: Лола не отделяла его от себя, считала и их удачи, и неприятности общими. Он вкратце рассказал ей о своем неудачном визите в детективное агентство «Эркюль Пуаро» и о последовавших за этим неприятных событиях.

– Можешь себе представить – денег не взял! И вытолкал меня чуть ли не взашей! И видно было, что он неподдельно испуган...

– Давай откажемся от этого задания, – предложила Лола, – позвоним Лангману... Пусть ищет кого-нибудь другого. Денег он нам не обещал, да нам с тобой деньги и не нужны, у нас их вполне достаточно...

Посмотрев на Маркиза, Лола поняла, что означает блеск в его глазах: Леня теперь ни за что не отступит, а неприятности, с которыми он столкнулся, только подстегнут его.

– Как раз если бы Лангман предложил нам деньги, мы могли бы отказаться, – произнес Леня после минутного раздумья, – а дружеская услуга – это святое, мы должны довести дело до конца, то есть выяснить, что там такого страшного случилось с родственниками этого Лоусона, если толстяка в агентстве чуть кондратий не хватил при упоминании этого дела.

– В общем, Ленечка вышел на тропу войны, – резюмировала Лола и, поправив полотенце в попугаях жестом Клеопатры, удалилась в соседнюю комнату.

– Вот так, Аскольд, – грустно проговорил Леня и почесал кота под подбородком, – мы с тобой снова предоставлены самим себе.

Аскольд ответил хозяину проникновенным взглядом. Маркиз уже достаточно хорошо знал своего четвероногого друга, чтобы без дополнительных намеков понять смысл этого взгляда: он ссадил кота с колен и отправился к холодильнику за банкой «Вискаса».

На следующий день Леня начал свое собственное расследование. Первое, что он сделал, – отправился в городской отдел записи актов гражданского состояния, говоря коротко и по-простому – в ГорЗАГС.

В этом популярном учреждении Маркизу все напоминало бессмертный роман Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Во-первых, незабвенный Ипполит Матвеевич Воробьянинов работал именно в ЗАГСе; во-вторых, увидев очередь озабоченных своим гражданским состоянием граждан, рвущихся в кабинеты ЗАГСа, Лене захотелось воскликнуть вслед за великим комбинатором: «Мне только справку! Вы не видите, что я даже калош не снял!»

Правда, на граждан, закаленных в боях за выживание в условиях нового капиталистического общества, знаменитая фраза Бендера вряд ли произвела бы впечатление.

Наконец, Леня нашел кабинет с подходящей к его случаю скромной надписью «Справки». очередь к этому кабинету была поменьше прочих, и Маркиз вскоре оказался за заветной дверью.

В кабинете, заваленном горами пыльных папок, как маленький таежный полустанок бывает завален снегом, стояли два письменных стола, но только один из них был занят – за ним сидела маленькая курносая девушка с россыпью веснушек на лице и с очевидным отсутствием бюрократического опыта.

– Девушка, – проговорил Маркиз, прямо-таки лучась обаянием, – я хотел бы навести справки о своих родственниках... У них была когда-то весьма редкая и звучная фамилия – Ильины-Остроградские... Может быть, такая фамилия облегчит вам поиски? Я хочу узнать: кто из них сейчас жив и где они живут... Знаете, с возрастом начинаешь чувствовать себя одиноким в этом огромном мире и хочется найти каких-нибудь родных людей...

– Я здесь работаю совсем недавно, – пискнула девушка, заливаясь румянцем, который сделал еще более заметными ее трогательные веснушки, – а Аглая Михайловна ушла... но она ненадолго... Хотя, вы знаете, эта фамилия... Как вы сказали – Остроградские?

– Ильины-Остроградские, – с важным видом уточнил Маркиз, – двойная фамилия.

– Вот-вот! – девушка явно обрадовалась. – Как раз недавно один мужчина искал людей с такой фамилией! Именно Ильины-Остроградские! Может быть, он тоже ваш родственник?

– Какой мужчина? – задав этот вопрос, Леня постарался выглядеть как можно более спокойным и равнодушным, хотя от волнения и острого интереса у него вдруг закололо кончики пальцев.

– Да такой... – девушка растерялась: чувствовалось, что она не умеет описывать людей и не особенно задумывалась о том, как выглядел тот посетитель, – да ничего особенного... немолодой... вроде вас...

Маркиз постарался никак не проявить свою обиду: в свои тридцать пять лет он выглядел явно моложе.

– Вот Аглая Михайловна, может быть, лучше его запомнила, она сама назначила ему часы приема и долго с ним разговаривала... Хотя...

Девушка выдвинула ящик стола и начала рыться в нем, перебирая смятые бумажки, упаковки от «Сникерсов», гребенки, тюбики из-под губной помады и маленькие карманные зеркала.

– Куда же я ее засунула?.. А, вот же она! – И с торжествующим видом начинающая бюрократка выложила на стол белый глянцевый прямоугольник визитной карточки.

Маркиз склонился над визиткой и прочитал:

«Андрей Арнольдович Бакланов».

Ниже был напечатан телефонный номер – и больше ничего: ни места работы, ни должности... Только в правом верхнем уголке карточки уместился маленький рисунок, что-то вроде логотипа – стилизованная лупа, увеличительное стекло на ручке и под этим увеличительным стеклом – две крошечные, едва различимые буквы – «Э.П.».

«Э.П.»! – пропели в душе у Маркиза боевые трубы сигнал тревоги. – «Эркюль Пуаро»! А кто-то говорил мне, что ничего не слышал о гражданине Австралии Билле Лоусоне!»

– Он оставил мне эту визитку на всякий случай... А я только сейчас о ней вспомнила, когда вы стали расспрашивать меня об этом человеке. Даже Аглае Михайловне забыла про нее сказать! А она очень этим мужчиной заинтересовалась – она вообще очень внимательная и сердечная. И сама взялась найти для него все документы... Вы позвоните ему – у него, наверное, все уже на руках. Да и вы с ним действительно, может быть, родственники...

Маркиз осторожно вклинился в сбивчивый монолог девушки:

– Но все-таки я хотел бы тоже получить справку о своих родственниках... можно это сделать?

– Конечно, – девушка подняла на него круглые доверчивые глаза, – Аглая Михайловна подобрала тогда все документы для того мужчины, так что их даже искать не придется. Я ей передам, и она подготовит для вас повторную выписку. Так что приходите в четверг, все уже наверняка будет готово.

– Девушка, милая, – Маркиз придал своей улыбке беззащитное обаяние трехмесячного щенка-далматина, – а может быть, прямо сейчас? Раз эти документы уже найдены в архиве?

– Нет, сейчас никак невозможно, – лицо девушки стало серьезным и преисполнилось значительности, как у отличницы, отвечающей возле доски на каверзные вопросы учителя, – эти документы, наверное, в столе у Аглаи Михайловны, а я не могу без ее разрешения...

– Ну конечно, конечно! – Леня поднял руки, капитулируя перед порядочностью и ответственностью своей собеседницы. – Это не так уж срочно. Я приду в четверг. Как вы работаете?

– С четырнадцати до семнадцати.

Леня еще раз улыбнулся девушке и покинул кабинет.

А примерно через полчаса, незадолго до окончания приема, на свое рабочее место возвратилась Аглая Михайловна – полная представительная дама с темно-каштановыми волосами, уложенными в сложную прическу, служившую лет пятнадцать-двадцать назад отличительной чертой сотрудниц советского партийно-хозяйственного аппарата.

– Ой, Аглая Михайловна! – воскликнула при ее появлении юная сотрудница. – А я думала, вы сегодня не придете, а то сказала бы этому мужчине, чтобы он вас дождался.

– Какому мужчине? – механически переспросила Аглая Михайловна, занятая собственными мыслями.

– Приходил человек, просил данные о семье Ильиных-Остроградских, а вы ведь уже подбирали эти документы в архиве. Ну, я ему сказала, чтобы он пришел в следующий четверг.

– Ильиных-Остроградских? – Аглая Михайловна заметно напряглась. – А что за мужчина?

– Ну, такой... – девушка мучительно подбирала в своем небогатом лексиконе описание для Маркиза, – симпатичный, но немолодой...

Дождавшись, когда юная сотрудница, собрав вещи и одевшись, упорхнула в неизвестном направлении, Аглая Михайловна набрала некий телефонный номер, дождалась ответа и быстро негромко проговорила:

– Еще один человек интересовался той семьей... ну, вы меня понимаете, я не хочу называть фамилию... нет, я сама его не видела, с ним разговаривала моя сотрудница, сказала только, что это немолодой мужчина. Он придет за справкой в четверг... хорошо, как только он появится, я вам позвоню.

Открыв дверь квартиры, Маркиз в ужасе замер на пороге. Квартира носила недвусмысленные следы грубого, наглого непрофессионального обыска! По всей прихожей были разбросаны ботинки, тапки, обрывки туалетной бумаги, сапожные и платяные щетки, Лолины шарфы и Ленины галстуки.

– Лола! – в ужасе крикнул Маркиз.

Ответом ему было молчание. Он рысью обежал квартиру. В комнатах царил еще более дикий разгром. На полу валялись книги, журналы, разорванные в клочья газеты, сброшенные с тумбочки Лолины духи и косметические кремы. По явной нарочитости учиненного разгрома можно было сделать вывод, что незваные гости ничего не искали – они просто громили квартиру, чтобы запугать ее обитателей...

Но главное – куда подевалась Лола? Неужели ее снова похитили, как похищали уже не раз в процессе их опасной работы?!

Леня почувствовал, как сжимаются его кулаки, как в душе поднимается темная волна ярости. За Лолу он готов был на все! Тем более что ему ужасно надоело с ней возиться.

Маркиз вошел в кухню. Здесь тоже все было перевернуто вверх дном: кафельный пол покрывали сугробы из муки и барханы рассыпанных круп, банки и кастрюли валялись под ногами...

Но тут-то Леня и застал виновников всего этого содома, погромщиков, превративших уютную обжитую квартиру в филиал районного дурдома накануне Дня независимости сексуальных меньшинств.

Посреди кухни сидел Пу И, растрепанный и покрытый слоем муки. Маленькие глазки тетки китайского императора горели радостью и торжеством. В зубах он сжимал обрывок вышивки – все, что осталось от диванной подушечки, которую Лола подкладывала в корзинку, где песик спал в свободное от попрошайничества и мелкого хулиганства время.

– Пу И, мерзавец! – воскликнул Леня, обуянный праведным гневом. – Неужели это ты в одиночку сумел устроить в квартире такой погром?!

Пу И попытался придать себе невинный вид, что ему совершенно не удалось, и бросил вороватый взгляд на холодильник. Взгляд этот отчетливо и недвусмысленно говорил:

«Почему же в одиночку? У меня был сообщник!»

Леня повернулся в направлении этого взгляда и увидел на холодильнике Аскольда. Кот застыл, заметив хозяина, как каменное изваяние, но вид он при этом имел чрезвычайно шкодный, и, присмотревшись к нему, Леня увидел в когтях у котяры свой собственный любимый итальянский шелковый галстук ручной работы, превратившийся в изодранную тряпку.

– И ты, Аскольд! Ах вы, злодеи! – Леня не знал, злиться ему или смеяться. – Спелись! Сговорились, изверги, за моей спиной! А вы знаете, что за деяние, совершенное в группе, полагается больший срок?!

Звери всячески изображали свою полную невинность и непричастность к погрому, но улики были столь очевидны, что ни о каком оправдательном приговоре не могло быть и речи.

В дверях квартиры заскрежетал ключ. Леня ринулся в прихожую, чтобы предупредить Лолу и спасти ее от неминуемого шока при виде того, во что превратили квартиру четвероногие погромщики.

Но Лола уже стояла на пороге, в ужасе оглядывая следы бесчинств.

– И где ты, интересно, ходишь? – бросился к ней Маркиз. – Тебе велено сидеть дома и поправляться. Ведь ты только что была тяжело больна! А теперь шляешься по морозу! Дождешься, что будет рецидив! Сидела бы спокойно в тепле и стерегла своего негодяя!

– А что случилось? – Лола размотала длинный шарф и с изумлением осмотрелась.

– Не пугайся! – буркнул Маркиз. – Это не обыск и не ограбление. Это порезвился твой милый песик!

– Что?! – взвизгнула Лола. – Это бред! Это инсинуация!

Ведомая безошибочным материнским инстинктом, она бросилась в кухню и прижала к груди свое перемазанное мукой лохматое сокровище, тут же жалобно запричитав:

– Пуишечка, золотко, ты цел?! Тебя не покалечили?! Конечно, я не верю в этот отвратительный поклеп! Это все устроил гнусный кот. Я отлично понимаю! Но ты не волнуйся, я не

дам тебя в обиду и не позволю возводить на тебя напраслину! Как ты мог?! – повернулась она к Маркизу. – Как ты мог подумать, что этот маленький ангел способен на такое?!

– Еще как способен! – вернул Маркиз. – Ты забыла, что я знаком с твоим ангелом не первый день и прекрасно знаю его повадки?

– Немедленно попроси у него прощения! Неужели ты не видишь, какой невинностью блещит его взор?

Лолин голос набирал обороты, она вошла в раж и сама поверила в невинность своего ненаглядного Пу И, в то время как вначале защищала его только из чистого упрямства.

– Это все устроил твой гнусный котяра! Только посмотри на него, ведь этот кот – вылитый разбойник! Одни его усы чего стоят!

Аскольд спокойно сидел на холодильнике и как ни в чем не бывало умывался. Вылизывая лапу, он то и дело бросал сверху вниз надменные взгляды, которые недвусмысленно говорили: «Вы, кажется, что-то хотели мне сказать? В таком случае запишитесь на прием у моего личного секретаря. Может быть, на следующей неделе у меня найдется для вас минутка».

– Что-то здесь не то! – проговорил Маркиз, переводя взгляд с Аскольда на Пу И. – До сих пор они никогда не позволяли себе таких бесчинств, вели себя вполне прилично...

– Проверь запасы коньяка и виски, – невинным тоном посоветовала Лола, – наверняка твой кот к ним основательно приложился!

– Почему ты валишь все на Аскольда? – обиделся за своего четверолапного друга Маркиз. – Если они и наладились, то на пару! – Леня приподнялся на цыпочки и тщательно обнюхал кота. – Нет, ни спиртным, ни валерьянкой от него не пахнет! – заявил он совершенно серьезно. – И вообще, Аскольд – настоящий джентльмен и не имеет таких вульгарных привычек!

– Да, настоящий джентльмен! Посмотри, во что этот джентльмен превратил нашу квартиру!

– Он не один постарался, – парировал Маркиз и вдруг замер, прислушавшись к шороху, раздававшемуся со стороны окна. – А это еще что такое?

Край занавески качнулся и осторожно отодвинулся. Из-за веселенькой ситцевой оборки выглянул выпуклый любопытный глаз.

– Боже мой, что это?! – взвизгнула Лола, прижимая к груди Пу И и прячась за Ленину спину.

– Скорее не что, а кто, – произнес Леня.

Из-за занавески выглянул большой разноцветный попугай, совершенно такой же, как на Лолином махровом полотенце. Маркиз потер лоб, думая, что у него начались глюки. Он даже быстро заглянул в ванную комнату и проверил полотенце – нет, все попугаи были на месте.

– Ничего не понимаю! – беспомощно проговорил Леня, вернувшись в кухню, и без сил опустился на вымазанную мукой табуретку.

Пу И, сидевший у Лолы на руках, растроганно и умильно посмотрел на попугая.

Попугай с интересом оглядывался. Увидев Аскольда и Пу И, он очень оживился и вдруг громким, хриплым, хорошо поставленным голосом старого пирата крикнул:

– Поигр-раем?

– Вот кто был у них зачинщиком! – хором воскликнули Лола и Маркиз, обрадовавшись, что можно снять обвинения в вандализме со своих собственных любимцев.

– Ты что, завела попугая? – удивленно спросил Маркиз, повернувшись к Лоле. – На час из дома уйти нельзя!

– Вот еще! – фыркнула Лола. – Мне вполне достаточно моего дорогого Пу И! – И она с еще большей нежностью прижала песика к груди. – Скажи лучше, что ты сам подобрал это ощипанное чудовище на какой-нибудь помойке и теперь не хочешь в этом признаваться!

– Р-ребята, поигр-раем! – повторил свое заманчивое предложение попугай, наклонив голову и с совершенно разбойничьим видом поглядывая то на Аскольда, то на Пу И.

– Откуда же он взялся? – удивленно пробормотал Леня и подошел к окну. – Смотри-ка, а тут форточка приоткрыта!

– Ну, кофе у меня сбежал, – смутилась Лола, – я и приоткрыла ее на минутку, чтобы проветрить...

– Ну, вот он и залетел!

– Как будто у нас попугаи летают по улице зимой, как вороны! – недоверчиво проговорила Лола.

– У кого-нибудь из соседей тоже кофе сбежал, – ехидно сказал Леня, – вот птица и решила полетать. А на улице он замерз и залетел согреться в первую попавшуюся форточку.

– И что же теперь с ним делать? – простонала Лола, без сил опускаясь на подвернувшийся стул.

– Гнать его отсюда к чертовой матери! – сурово отрезал Леня. – Он нам животных вконец развратит!

– Террор! Террор! – истошно завопил попугай, ракетой взлетев под потолок.

– Ну, Ленечка, это действительно слишком жестоко! На улице все-таки зима, бедная птичка замерзнет! Ведь он как-никак тропическое создание и к нашему ужасному климату совершенно не приспособлен!

– Бедная птичка? – Леня с тоскою во взоре оглядел развалины своего некогда уютного жилища. – Да он действительно – самый настоящий террорист! Просто Бен Ладен какой-то!

– Ну, Ленечка, давай повесим объявление, что к нам случайно залетел попугай, и отдадим его законным хозяевам...

– Да я на месте этих хозяев, – ответил Леня с тяжелым вздохом, – ни за что не отозвался бы на объявление! Сидел бы тише воды ниже травы и радовался, что отделался от этого летающего монстра!

Однако Леня понял, что Лола уже приняла решение и ни за что от него не отступит.

– А пока не объявятся прежние хозяева, он поживет у нас. Хорошо, Ленечка? Ну я же по глазам вижу, что ты согласен!

– Ты еще не видела, – мстительно проговорил Маркиз, – что они сделали со всей твоей косметикой!

– Да ладно! – отмахнулась Лола. – Все равно мне эти кремы надоели, я собиралась на днях в магазин.

– Ну ладно, – сурово проговорил Маркиз, – пусть этот летучий бандит останется у нас на несколько дней, но только при обязательном условии: когда нас нет дома, он должен быть заперт в клетке! За клеткой я сейчас схожу в магазин! И еще – мы должны как-то его называть! Лично я склоняюсь к кличке Террорист. Или, на худой конец, Разбойник.

Попугай вновь склонил голову набок и, уставившись на Маркиза хитрым круглым глазом, проговорил:

– Перришон умница, умница! Дайте Перреньке сахарку! Дайте сахарку и ор-решков!

– Вот видишь – он сам ответил на твой вопрос! – прошептала Лола. – Ну до чего же умная птица!

Пу И ревниво заскулил: он явно почувствовал конкуренцию.

– Ну вот, – пробормотал Маркиз, одеваясь, – она явно берет попугая под свое крылышко... Мне остается в качестве ответного удара завести домашнего удава... например, сетчатого питона... а еще лучше анаконду... говорят, анаконды очень привязчивые...

– Что?! – завопила Лола. – Только не змеи! Не выношу змей! Змея – только через мой труп!

– Я всего лишь размышляю вслух, – успокоил ее Леня, – а ты, пока я покупаю клетку для этого морального уroda, постарайся навести порядок в квартире, ликвидировать следы этого зверского погрома! И что теперь будет в нашей квартире?! Не дом, а цирк Дурова!

В четверг к двум часам дня Маркиз приехал в ГорЗАГС. Толпы народу в коридорах стали еще больше, чем прежде, – видимо, в городе имела место настоящая эпидемия свадеб и рождений. Пробираясь по коридору через плотное скопление посетителей, Маркиз столкнулся с худым лысым мужичком неопределенного возраста и с несколько потертой внешностью.

– В очереди постоять не нужно? – осведомился мужичок, искательно заглядывая Лене в глаза.

– Это как? – заинтересовался Маркиз.

– Ну, как, – мужичок пожал плечами, удивляясь Лениной неосведомленности, – я стою в очереди, вы занимаетесь своими делами. Когда очередь подходит, я вам звоню на мобильник, вы приезжаете... здесь ведь очереди на целый день! А так вы экономите время, а я получаю сто рублей. Сами ведь знаете: время – деньги... У меня такой бизнес! – закончил он не без гордости.

Маркиз замер на месте.

– Мне вообще-то в очереди стоять не надо, – проговорил он задумчиво, – но сто рублей ты все равно заработаешь. Зайди вон в тот кабинет – в справочную – и скажи, что ты пришел за справкой о семье Ильиных-Остроградских. Она должна уже быть готова... Если дадут справку – уйдешь из ЗАГСа, пойдешь по улице... я тебя догоню.

– Как скажете, – мужичок невозмутимо пожал плечами, – кто платит, тот и заказывает музыку.

Он явно любил высказываться пословицами.

Маркиз решил воспользоваться услугами неожиданного добровольца, чтобы проверить, не будет ли за ним слежки: шестое чувство – хорошо развитая интуиция прирожденного авантюриста – подсказывало ему, что в ГорЗАГСе что-то не так, как-то тут беспокойно...

Лысый доброволец, слегка прихрамывая, вошел в кабинет. На сей раз на рабочем месте была только Аглая Михайловна, молодую сотрудницу она под благовидным предлогом отправила в архив. Прокашлявшись, мужичок, придав себе солидный и внушительный вид, произнес:

– Мне бы справочку получить... о родственниках моих, Ильиных-Остроградских... мне на сегодня назначено.

Аглая Михайловна заметно взволновалась, бросила на посетителя тревожный взгляд, переложила с места на место толстую стопку бумаг и, наконец, проговорила, пряча глаза:

– Документы еще не готовы... приходите в следующий вторник.

Доброволец, у которого не было четких инструкций на такой случай, помялся перед столом, проворчал под нос что-то вроде: «Безобразие, волокита, бюрократы несчастные, никогда ничего вовремя не сделают...» – развернулся и покинул кабинет.

В коридоре он не заметил своего нанимателя и, следуя инструкциям, двинулся на улицу. Леня, соблюдая все правила скрытого наблюдения, пробирался по коридору за ним следом, стараясь оставаться незамеченным и внимательно следя за своим наемником, чтобы обнаружить, не появится ли за ним «хвост».

Выбравшись на улицу, Леня стал вдвойне осторожнее. Он держался на возможно большем расстоянии от лысого мужичка. Тот неторопливо шел по улице, заметно прихрамывая и растерянно оглядываясь по сторонам, ожидая появления своего странного нанимателя.

Набережная, по которой он шел, была безлюдна, только какой-то высокий сутулый старик двигался ему навстречу, опираясь на трость. Поравнявшись с лысым мужичком, старик остановился и что-то проговорил – может быть, спросил у него дорогу или время. Затем он

приподнял свою трость и молниеносно взмахнул ею в воздухе. В руке у него что-то блеснуло, и лысый мужичок, покачнувшись, схватился за грудь. Маркиз удивленно наблюдал за этой сценой из своего укрытия. Смысл происходящего не сразу дошел до него, а когда он наконец понял, что именно случилось на его глазах, старик с тростью уже неким непостижимым образом куда-то испарился, а лысый «наемник» сделал несколько коротких неуверенных шагов, покачнулся и тяжело рухнул в сугроб.

Маркиз бросился к нему. Человек был мертв: снег под ним потемнел от пропитавшей его крови. Леня огляделся по сторонам. Вокруг не было ни души. Помочь несчастному Маркизу уже ничем не мог, сталкиваясь с полицией ему совершенно не хотелось, и он побежал прочь, думая о том, что даже такое невинное занятие, как стояние за деньги в очередях, может в наши дни стоить человеку жизни... а также и о том, что сегодня именно он, сам того не желая, послал этого человека на смерть... А также о том, что его старый добрый знакомый, страховщик из Германии Лангман, обратившись к Лоле с «дружеской просьбой», втравил их в какую-то весьма серьезную и опасную игру.

– Ни фига себе, – бормотал на бегу ошарашенный Маркиз, – сходил в ЗАГС, называется, получил справочку... Ну ладно, теперь мы будем начеку...

Он юркнул под козырек первого попавшегося на его пути телефона-автомата и позвонил в агентство «Эркюль Пуаро». От автоответчика он узнал номер нового офиса – толстяк не соврал, агентство действительно переехало. По тому номеру ответил приветливый девичий голосок:

– Вас приветствует агентство «Эркюль Пуаро»!

– Могу я попросить Андрея Арнольдовича Бакланова? – вежливо осведомился Маркиз.

Было такое впечатление, что офисная девушка с разбегу рухнула в пропасть. Маркиз услышал в трубке ее испуганный вскрик, а потом там установилась гробовая тишина.

– Эй! – позвал ее Леня. – Так как насчет Бакланова?

– Он... он у нас больше не работает, – скороговоркой пробормотала девица, – могу порекомендовать вам других агентов...

– Нет, мне нужен именно Бакланов. А вы не можете дать мне его телефон? – настаивал Маркиз.

– Нет! – выкрикнула девица и бросила трубку.

Телефон Бакланова Маркиз и так отлично запомнил, увидев в ГорЗАГСе его визитную карточку, а спросил о нем у девицы только для того, чтобы проверить ее реакцию.

Реакция была достаточно убедительной. Теперь оставалось сделать последний шаг.

Маркиз набрал телефонный номер, напечатанный на визитке Бакланова. Трубку очень долго не брали, и, только когда Маркиз уже решил, что дома никого нет, и хотел отключиться, длинные гудки наконец прервались, и безжизненный женский голос проговорил:

– Я вас слушаю.

– Можно попросить Андрея Арнольдовича?

На том конце провода воцарилась мертвая тишина. Леня подумал было, что связь прервалась, но тут женщина с выражением тоскливой обреченности проговорила наконец:

– Кто вы?

– Я – его бывший клиент, – поспешно соврал Леня.

– Вот как? – В голосе женщины прозвучали одновременно отчаяние, равнодушие и издевка. – За женой следили? В агентство звоните, вам другого человека дадут!

– Я не хотел бы другого, – продолжил Маркиз с заискивающей интонацией, – я бы хотел Андрея Арнольдовича...

– Андрей Арнольдович больше этим не занимается, – отрезала женщина и добавила безжизненным голосом: – Андрея Арнольдовича больше нет. Его убили.

– Вот как?! – проговорил Маркиз, не зная, что еще сказать этой убитой горем женщине.

Впрочем, говорить ничего и не нужно было – в трубке зазвучали короткие гудки отбоя.

– Вот как! – повторил Маркиз уже самому себе. – Что же это за справочка такая, из-за которой убили уже двух человек?

Ибо Леня нисколько не сомневался в том, что частного детектива Андрея Бакланова убили из-за той же самой информации, за которой он сам пришел сегодня в ГорЗАГС.

Поскольку очень трудно представить себе, чтобы частного детектива убили из-за того, что он застукал какую-нибудь разбитную сорокалетнюю бабенку в чужой постели.

Поскольку из-за этой загсовской справочки уже убили у Лени на глазах одного человека, а где один труп – там и два.

Поскольку Леня Маркиз был мужчина образованный и знал такое философское понятие, как бритва Оккама, которое – применительно к данному случаю – можно было бы сформулировать так: не надо объяснять два убийства разными причинами, если можно объяснить их одной и той же.

– Вот как! – вновь повторил Маркиз с отчетливо прозвучавшим в голосе металлом.

Он не собирался отступать. Он собирался выяснить, в какую историю втравил их с Лолой герр Лангман.

Для этого ему нужно было разобраться с ГорЗАГСом.

Леня посмотрел на часы. Присутственное время городского ЗАГСа как раз заканчивалось. Маркиз, завел машину и помчался к дому на набережной.

Остановившись напротив подъезда, он начал внимательно следить за потоком сотрудников, покидавших учреждение. Как и следовало ожидать, работали здесь преимущественно женщины, по большей части среднего и более чем среднего возраста, отмеченные печатью несколько двойственного социального положения: с одной стороны, они трудились как бы в солидном государственном учреждении, числились в могучей армии чиновников, свысока смотрели на своих посетителей; все это придавало им вес и значительность в собственных глазах. Но, с другой стороны, оклады у них были жалкими, а взятки сотрудникам ЗАГСа никто не предлагает – не за что. Поэтому чиновничья надменность в их облике была какой-то неуверенной, а меховые шапки и воротники, знававшие некогда лучшие времена, были вытертыми, поношенными и старомодными.

Поток сотрудников постепенно редел, и Маркиз уже подумал было, что пропустил интересующую его особу, как вдруг она показалась в дверях ГорЗАГСа. Курносая веснушчатая девчушка из справочной службы спускалась по мраморным ступенькам учреждения, всхлипывая и прикладывая к глазам маленький кружевной платочек. Когда она поравнялась с Лениной машиной, Маркиз открыл дверцу и окликнул девушку:

– Машина подана! Отвезу вас, куда скажете.

Девушка вздрогнула и испуганно шарахнулась в сторону:

– Я к незнакомым мужчинам в машину не сажусь!

– Почему же к незнакомым? – Леня улыбнулся самой обаятельной из своих улыбок. – Мы же с вами знакомы, я к вам приходил совсем недавно на прием узнать о своих родственниках Ильиных-Остроградских. Неужели вы меня забыли? Я этого просто не переживу! – И он театрально закатил глаза и прижал руку к своему разбитому сердцу.

– Ой, и правда! – девушка пригляделась к Лене. – Ну как, Аглая Михайловна нашла для вас документы?

– В том-то и дело, – Леня изобразил на лице крайнюю степень разочарования, – в том-то и дело, что она этих документов не нашла! Я хотел поговорить с вами об этом, но вижу, что у вас свои собственные неприятности... Но что же мы с вами разговариваем на улице, вы совсем замерзнете! Садитесь, садитесь в машину, я отвезу вас домой!

Девушка из ЗАГСа еще раз всхлипнула, представила, какая толчея в этот час в метро, и нерешительно подошла к машине. Леня помог ей устроиться на переднем сиденье и тронулся с места.

– Ну и куда ехать?

– В Купчино... – смущенно пробормотала девушка, – наверное, это слишком далеко, у вас ведь свои дела...

– Это только хорошо, что далеко, – галантно ответил Маркиз, – я дольше смогу наслаждаться вашим обществом. Только у меня будет к вам две просьбы – так сказать, в виде платы за проезд.

– Какие просьбы? – насторожилась девушка.

– Не бойтесь, ничего страшного, – Леня усмехнулся, – во-первых, скажите: как вас зовут. Меня, кстати, зовут Леонидом, а лучше – Леней.

– А я – Аня, – девушка смущенно улыбнулась, забавно сморщив свой курносый носик.

– А вторая просьба, Анечка, – скажите мне, кто вас обидел? Я ведь видел, что вы плакали...

– Нет, меня никто не обижал... – Аня еще больше смутилась, – просто... я еще совсем недавно работаю и часто что-нибудь делаю неправильно... Ну, в общем... вы понимаете...

– Это Аглая Михайловна? – догадался Маркиз. – Она вас отругала?

– Да... То есть нет... Я сама виновата... – Аня вновь начала всхлипывать и полезла в сумочку за платком.

– Так, вот что, – Маркиз решительно свернул к тротуару, – мы сейчас идем вон в то кафе, и вы мне все рассказываете.

– Я не хочу в кафе! – попыталась воспротивиться Аня. – Я не пойду с вами ни в какое кафе! Знаю я эти кафе!

– Анечка! – Леня вежливо, но решительно вытащил ее из машины, вытер, как ребенку, лицо своим большим клетчатым платком и повел, несмотря на слабое сопротивление, к дверям кафе с яркой надписью «Папа Карло» над входом.

– Анечка, запомните раз и навсегда: лучшее лекарство от стресса – это сладкое. Поверьте мне: против женских слез отлично помогают пирожные. Я как доктор прописываю вам два пирожных! А если ваш молодой организм справится с такой нагрузкой, то и три.

– Вы правда доктор? – недоверчиво спросила Аня, широко распахнув круглые детские глаза.

– Почти. – Леня усадил ее за угловой столик и отправился к стойке за пирожными.

Кроме пирожных, он принес ей фруктовый салат, десерт из взбитых сливок с шоколадом и огромную чашку кофе со сливками.

Аня замолкла и решительно занялась салатом. Леня с удовольствием наблюдал за ней, маленькими глотками смакуя чашечку кофе по-турецки.

Когда Аня покончила с салатом и пирожными, пододвинула к себе десерт и кофе, глаза уже окончательно высохли и замаслились от сытости.

– Ну, – Леня отставил чашку, – а теперь рассказывайте: чем вас обидела противная Аглая?

– Она не противная, – Аня потупилась, – она только из воспитательных соображений... я ведь совсем недавно работаю, и мне еще очень многому нужно научиться...

– Ну, рассказывайте, рассказывайте! – подбодрил Маркиз девушку. – Вам обязательно нужно с кем-нибудь этим поделиться! За что она вас сегодня отругала? Она ведь вас отругала?

– Отругала, – Аня уставилась в стол и принялась царапать ногтем сучок на деревянной столешнице, – она меня отругала за то, что я посетителю в прошлый вторник сказала, будто документы для него уже готовы... ой, это ведь я вам так сказала! – Аня окончательно смутилась.

– А почему она сегодня вдруг стала ругать вас за это, если дело было во вторник? Или вы только сегодня ей сообщили?

– Нет, – растерянно ответила девушка, – я ей во вторник все рассказала... и она тогда совсем не ругалась. А сегодня, когда я вернулась из архива, Аглая Михайловна была какая-то очень расстроенная и злая... и стала меня за это ругать... ну, за то, что я вам тогда сказала... и что у нее из-за этого неприятности...

Аня окончательно запуталась и вновь захлюпала носом. Леня внимательно посмотрел на нее, встал и направился к стойке. Через минуту он вернулся с большим бокалом «Маргариты» – текилового коктейля с искусственным снегом – и поставил бокал перед Аней. Девушка машинально пригубила коктейль и сама не заметила, как опустошила бокал. Щеки ее порозовели, она явно оживилась.

– А вообще-то, – заявила она решительно, – по-моему, у Аглаи были просто свои собственные неприятности, поэтому она так на меня и напустилась!

– Вот это гораздо больше похоже на правду, – кивнул Леня.

– Да, – Аня отправила в рот последнюю ложку десерта и, удивленно оглядев опустевшие тарелки, продолжила: – Когда я вернулась из архива, она с кем-то разговаривала по телефону, и у нее был такой вид, как будто ее отчитывают... а что, все уже кончилось? – Лицо девушки вытянулось от разочарования. – Как быстро...

Леня вскочил, бросился к стойке и через пять минут вернулся с подносом, нагруженным очередной порцией сладостей. Аня удовлетворенно вздохнула, придвинула к себе тарелочку с фруктовыми пирожными и продолжила:

– И она была страшно недовольна, что я вошла... так на меня зло оглянулась, прикрыла трубку ладонью и быстренько свернула разговор, а потом как набросилась на меня, как набросилась... а вот что это было – такое холодное, в бокале? Можно мне еще?

Леня с сомнением посмотрел на детское личико своей собеседницы, но все же встал и принес ей еще одну «Маргариту».

Аня присосалась к бокалу, замолкнув на некоторое время. Щеки ее еще больше разрумянились. Когда бокал опустел, она поставила локти на стол, посмотрела на Леню и проворковала:

– А вы все-таки симпатичный... сначала вы мне показались слишком старым, но потом я пригляделась... вы еще очень даже ничего!

– Спасибо на добром слове, – буркнул Маркиз, оглядевшись по сторонам.

– А что, Аглая вам не отдала выписку? – спросила Аня, наклонив голову набок.

Леня отметил, что она делает это в точности, как попугай Перришон. И еще он отметил, как неожиданно Аня меняет тему разговора.

– Нет, не отдала, – ответил он, горестно вздохнув, – сказала, что справка еще не готова.

– Врет! – решительно произнесла Аня и придвинулась ближе к Маркизу, захватив локтем в пирожное. – Точно врёт! – Она понизила голос и продолжила прямо в ухо Маркизу: – Я к ней заглянула в верхний ящик стола, у нее эта справка давно уже там лежала! – И с заговорщическим видом девушка вложила Лене в руку сложенный вчетверо листок.

– Ну ты даешь! – воскликнул Маркиз с невольным восхищением. – Ты у нее сперла эту справку?

– Тсс! – Аня прижала палец к губам. – Здесь столько народу! Ну как вы могли такое обо мне подумать?! Сперла! Нет, конечно, я только сняла со справки ксерокопию и положила ее на место, а то Аглая меня просто убила бы! – Детские Анины глаза еще больше округлились от притворного ужаса.

Она отодвинулась от Маркиза и принялась за оставшиеся пирожные. Закончив трапезу и сыто отвалившись на спинку стула, Аня с новым интересом подняла глаза на Маркиза и слегка заплетающимся языком проговорила:

– Пое... поехали ко мне!..

– Сейчас я вас отвезу домой, – Маркиз приподнялся за столом.

– Нет, ты меня не понял, что ли? – Аня поправила сбившуюся прядь волос, закрывшую ей один глаз. – Я тебе говорю – поехали ко мне... ты меня понимаешь? Я одна живу, без никого! Поехали ко мне, и ты у меня останешься! Ты что думаешь – я маленькая, что ли? Я, что ли, ребенок? Нет! Я взрослая! Поехали ко мне!

– Ты ведь сама недавно сказала, что я уже старый. Во всяком случае, для тебя я точно староват. – Маркиз помог Ане подняться из-за стола и осторожно повел к выходу, лавируя между столиками и поддерживая девушку под локоть. Аня совсем раскраснелась и размахивала свободной рукой, так и норовя сбросить что-нибудь с чужого столика. Маркиз подумал, что она опьянела скорее от обильной еды, чем от выпивки – выпила она вовсе не так уж много.

Доведя ее до своей машины, Леня усадил девушку на переднее сиденье, бережно пристегнул ремнем и сел за руль. Затем он вытряс из нее подробный адрес, пока она еще могла связно разговаривать, и поехал в Купчино.

Через пять минут Аня уже сладко посапывала на сиденье рядом с ним. Доехав до ее дома, он с трудом разбудил девушку, довел до дверей квартиры, к счастью не встретив никого из соседей, нашел у нее в сумочке ключи и аккуратно уложил Аню на диванчик в скромно обставленной комнате.

– Останься у меня, – сонно протянула девушка, потянувшись к Лене губами, – я взрослая...

И мгновенно она крепко заснула, свернувшись калачиком и подложив руку под щеку.

Леня поспешно вышел из ее квартиры, осторожно захлопнув за собой дверь, спустился к своей машине и только там развернул, наконец, сложенный вчетверо листок бумаги.

– Ну что? – Лола встрепелулась и выскочила в прихожую. – Ты получил наконец информацию от своей принцессы из городского ЗАГСа?

– Не стоит ревновать к бедной девушке, – серьезно заметил Леня, – у нее тяжелая жизнь и зарплата маленькая. Но, между прочим, эти скромные работники ЗАГСа делают большое и нужное дело! Куда бы мы без них? А что это за пятна на полу?

– Это... это...

– Это снова твой проклятый попугай! – разозлился Маркиз. – Он меня в конце концов доведет!

– Зато твой котяра чуть было не поймал его! – И Лола показала ему два больших зеленых пера. – Хорошо, что я успела вовремя.

– Зачем ты вообще его выпустила из клетки? – проворчал Маркиз. – Жаль, что Аскольд не успел...

– Попугаю необходимо летать, иначе он заболеет от гиподинамии! – заявила Лола.

– Вот и выпусти его в форточку... пусть летает...

– Только не на мороз! – вскричала Лола. – Маркизушка, ну я же не виновата, что никто не пришел по объявлению.

– А я тебя предупреждал, что так и будет, что хозяева попугая радуются жизни и форточку вообще теперь не открывают, чтобы это чудовище ненароком обратно не влетело!

Попугай сидел, нахохлившись, в углу клетки и переживал из-за своего попорченного хвоста. Кот Аскольд обосновался на шкафу и тоже выглядел очень недовольным, потому что законную добычу вырвали у него прямо из когтей – кому такое понравится?

– Ты устал, наверное, Ленечка, и проголодался, – лстыиво обратилась Лола к партнеру, – давай пообедаем, а потом не спеша все обсудим.

Маркиз согласился, даже не успев удивиться – с чего это Лола так суетится? Есть ему действительно хотелось. А Лола спешила задобрить своего повелителя, потому что попугай

Перришон обгадил новый пиджак от Черутти, неосмотрительно брошенный Маркизом на стул, рассыпал кофейные зерна по его ботинкам и расклевал пакет перца, так что сама Лола полчаса чихала, пока не проветрила квартиру. Но это не шло ни в какое сравнение с испорченным пиджаком, и Лола всерьез опасалась за жизнь попугая. Пиджак же нужно было срочно нести в чистку, да и то вряд ли они там смогут что-то сделать.

Когда это бывало нужно, Лола умела показать себя с самой лучшей стороны, так что после тарелки густого наваристого борща и огромного куска запеченной свинины с горошком и жареной картошкой Леня подобрел, как и любой другой мужчина, который оказался бы на его месте.

– Итак, смотри, – он разложил бумагу на журнальном столике, – у профессора Льва Михайловича Ильина-Остроградского было, как нам с тобой известно, три дочери. Со старшей все ясно, она в незапамятные времена уехала в Австралию, а тут остались две младшие и их мать. И можешь себе представить: в революцию и Гражданскую войну ничего с ними не случилось, так они и жили в том доме на Пушкарской улице.

– Небось новые власти сделали из профессорской квартиры коммуналку, а их всех зачихнули в одну комнату...

– Скорее всего, но для нас с тобой это сейчас не важно. А важно то, что жена покойного профессора, Софья Николаевна, умерла в сорок втором году – понятно, в блокаду. Далее: дочь ее, Мария Львовна, одна тысяча девятьсот пятого года рождения, вышла замуж за некоего Денисова Константина Ивановича и в двадцать восьмом году родила сына, Денисова Льва Константиновича, назвав его в честь папы-профессора. Этот Лев Константинович Денисов, в свою очередь, вырос и женился, и в одна тысяча девятьсот пятьдесят третьем году у него тоже родился сын, Денисов Сергей Львович.

– Это только малая часть родственников, – заметила Лола, рассматривая длинную распечатку. – Вот австралиец-то обрадуется!

– К сожалению или к счастью, эта ветвь – неполная, потому что родители Сергея Денисова в одна тысяча девятьсот семидесятом году погибли в автомобильной катастрофе.

– Значит, вычеркиваем их? И что там с остальными? – оживилась Лола. – Много еще родственников? И этот Сергей, у него есть дети?

– Вроде бы у него никого нет, одинокий он... но вообще-то родственников... – Маркиз водил пальцем по листу, – достаточно... Сама Мария Львовна умерла в восемьдесят втором году – как видишь, у сестер была хорошая наследственность, долго все жили, но у нее была еще дочь, Елизавета Константиновна, рождения одна тысяча девятьсот тридцать второго года, и нашему австралийцу, надо полагать, она приходится двоюродной теткой.

– Приходится? – переспросила Лола. – Значит, она жива?

– Надо думать, жива, раз даты ее смерти нету! И самое главное – у нее нет детей! И внуков тоже нету! Женщина прожила всю жизнь одна. Кстати, адрес ее – Пушкарская, дом восемь, квартира пять, так что вполне может быть, что она так и живет в той самой профессорской квартире.

– Значит, от средней сестры остались два потомка – дочка и внук по фамилии Денисовы, так? – вздохнула Лола. – Переходим к младшей дочери профессора Ильина-Остроградского.

– Вот тут сложнее, – вздохнул и Леня, – о младшей дочери у нас ничего нет. Только дата рождения. Ни где жила, ни когда умерла, ни о ее детях – ничего. Данных нет – и все.

– А может быть, она до сих пор жива? И тоже всю жизнь совсем одна прожила...

– Значит, сейчас ей должно быть больше девяноста лет... Маловероятно, – с сомнением протянул Леня.

– Ну так что? – Лола встала и потянулась. – Что-то мне эти потомки покойного профессора уже порядком надоели! Посылаем все справки Лангману, пишем сопроводительное письмо, а он пускай сам объясняется со своим австралийским приятелем.

– Угу, – буркнул Маркиз, – так не пойдет. Во-первых, нас просили найти *всех* родственников. А мы этого не сделали, потому что младшая сестрица как в воду канула. А может, у нее было тринадцать детей?! Разве можно лишать бедных крошек их законного австралийского наследства? Во-вторых, ты уже забыла о двух убийствах? И о том, что я достал эти документы только благодаря своей исключительной же находчивости и обаянию, потому что официальным путем ничего сделать было нельзя. Все, кто пытался найти родственников Ильина-Остроградского официальным путем, мертвы.

– Ты преувеличиваешь...

– Если и преувеличиваю, то совсем ненамного. Лола, я доверяю своей интуиции: здесь что-то нечисто! Разумеется, даже если полиция расследовала убийство сотрудника агентства «Эркюль Пуаро» Андрея Бакланова, она никак не связала это дело с городским ЗАГСом. Но там, в агентстве, сразу поняли, что смерть Бакланова связана с поисками родственников австралийца, поэтому они и прервали с ним всяческие отношения без объяснения причин! На фига им такие заморочки? Они тихо-скромно отслеживают неверных супругов, а тут вдруг – нате вам, убийство! Они на такое не подпрыгивали! Оттого тот толстяк в агентстве и меня прочь погнал – не знаю, мол, никакого австралийца и знать не хочу!

– Успокойся, – заметила Лола, – твоей интуиции я тоже всецело доверяю. Ты лучше скажи: что ты теперь собираешься делать?

– Выяснить, в чем тут проблема, – без колебаний ответил Леня, – что такого ужасного совершили эти родственники, отчего они так упорно не хотят, чтобы их разыскивали? И дальше: если Билл Лоусон тут ни при чем, то мы просто обязаны, как честные люди, предупредить его, что среди российских родственников, несомненно, наличествует криминальный элемент. Если же он знает, что не все тут ладно с его родственниками и именно поэтому не захотел обращаться в официальные органы, то в этом случае я чувствую сильнейшее желание вывести этого Лоусона на чистую воду, разоблачить его перед Лангманом и наказать за то, что он нас так подставил!

– И разумеется, у тебя уже готов подробный план действий, – недовольно процедила Лола.

– Разумеется, готов, а почему это ты так сердишься? – фальшиво удивился Маркиз.

– Потому, что в своих планах ты всегда уговариваешь мне самую незавидную и унизительную участь! – Лола повысила голос. – Либо я – горничная, а хозяйка – обязательно жуткая стерва, либо нужно какую-нибудь ненормальную террористку охранять, либо и вовсе беременную изображать! А один раз меня вообще чуть не изнасиловали!

– Чуть не считается, – усмехнулся Маркиз и вовремя увернулся от Лолиного кулака, – не обижайся, дорогая, я ведь не обладаю твоим артистизмом!.. Итак, приступаем к работе.

– Работа – это когда деньги платят, – проворчала Лола, – а когда без денег, то это развлечение!

– Вот ради развлечения ты и пойдешь завтра на Пушкарскую, дом восемь, и постарайся разузнать все о Елизавете Константиновне Денисовой, – в голосе Маркиза появились нотки раздражения. – Только не вздумай соваться в жилконтору или расспрашивать соседей! Спугнешь старуху. И в квартиру ее не суйся под видом социального работника. Старухи обязательно документы требуют, их милиция по телевизору все время предупреждает – будьте, мол, бдительны!

– Что же мне делать – просто слоняться по двору? – разозлилась Лола. – Очень продуктивное занятие!

– Там на месте определишься, – Маркиз махнул рукой, – а если ничего не получится, тогда уж сделаем тебе документы, будто ты из собеса, и пойдешь к старухе домой.

– А ты что будешь делать?!

– А я попробую разузнать что-нибудь о Сергее Львовиче Денисове. Удивительное дело! – Маркиз рассматривал бумаги. – До войны и даже до революции в документах – полный порядок, все записано и отмечено в книгах. А как пошли семидесятые годы и дальше – так полная неразбериха! Казалось бы, и времени меньше прошло, и компьютеризация сейчас везде – так нет, никакого порядка! Адрес этого Сергея Львовича Денисова указан неправильный – улица Маршала Говорова, дом пятнадцать, квартира семь. Я узнавал – в доме пятнадцать по улице Маршала Говорова находятся сосисочный цех, стоматологический кабинет и фирма по ремонту ксероксов.

– Может, раньше это был жилой дом?

– Раньше-то был, но все жильцы выехали, исчезли – кто куда.

– Только не вздумай соваться в жилконтору, – насмешливо передразнила его Лола, – спугнешь мужика! Ищи его по своей базе данных!

– Угу, а ты представляешь – сколько Денисовых в нашем городе? – сокрушенно вздохнул Маркиз.

– Ничего, тебе попугай поможет! – насмешливо ответила Лола и скрылась в спальне.

Несмотря на то что Маркиз велел ей не залеживаться утром в постели, Лола проспала, потом долго возилась в ванной и явилась в кухню, когда ее партнер уже позавтракал. Он даже накормил животных и вывел ненадолго Пу И во двор. На улице сегодня была для зимы вполне приличная погода – легкий морозец и слабое зимнее солнышко, которое хоть и не греет, но радует.

– Лола! – Маркиз заглянул в кухню, где его партнерша варила лично для себя кофе, наполняя квартиру божественным ароматом «Арабики». – Лола! Где мой бежевый пиджак?

– Ленечка, – голос Лолы стал таким сладким, что класть в кофе сахар уже явно не было необходимости, – Ленечка, хочешь, я тебе тоже кофе сварю?

– Ты мне зубы не заговаривай! Где мой пиджак?

– Какой пиджак, Ленечка?

– Бежевый, – ответил Маркиз с исключительным терпением, – бежевый пиджак от Черутти. Мой лучший пиджак! Где он?

– А что, в шкафу его нет?

– В шкафу его нет.

– Нет, значит, и не было.

– Лолка, – Леня решительно шагнул к своей боевой подруге, она взвизгнула и отскочила за холодильник, – Лолка, немедленно признавайся, что ты сделала с моим пиджаком?

– Ничего я с ним не делала, – ответила Лола, ловко отпрыгивая за стиральную машину.

– Я тебя слишком хорошо знаю! – продолжал Леня, развивая наступление. – По глазам твоим нахальным вижу, что у тебя рыло в пуху!

– У тебя у самого рыло! – обиделась Лола. – Ты где свой драгоценный пиджак оставил? На стуле! Вешал бы вещи в шкаф – все было бы в порядке!

– А что с ним случилось? – Маркиз почувствовал недоброе. – Неужели его испортили?! Это наверняка кто-то из твоих мерзких зверей! Признавайся – собака или попугай?

– Попугай! – созналась Лола, окончательно загнанная в угол. – Но только он не виноват!

– То есть как это – не виноват?! – прорычал Маркиз. – Очень даже виноват! Ты что предпочитаешь – попугая на вертеле, попугая-гриль с пряностями или попугая-табака?

– Леня! – возопила Лола. – Неужели ты способен на такую нечеловеческую жестокость?

– А ты помнишь, сколько я заплатил за этот пиджак?! Ладно, так и быть, я готов пойти на компромисс!

– Компромисс? – подозрительно переспросила Лола. – А какой тут может быть компромисс?

– Попугай-гриль! – рявкнул Маркиз.

В этот миг, громко хлопая крыльями, в кухню влетел Перришон. Сделав круг под потолком, он плавно опустился на плечо Маркизу, легонько клюнул его в щеку и доверительно проговорил:

– Перришончик хорроший, хорроший. Дайте Периньке сахарку, сахарку и ор-решков!

Леня скосил на попугая глаза и удивленно проговорил:

– Чего это он на меня уселся? Подлизывается, что ли?

– Нет, что ты, Ленечка! – радостно воскликнула Лола, почувствовав несомненный перелом в его настроении. – Он признал тебя! Он почувствовал в тебе родную душу!

– Что ты хочешь этим сказать – что я глуп и болтлив, как попугай?!

– Ну что ты, дорогой, я совсем не это хотела сказать! Просто я вижу, что ты в глубине души – очень хороший, и ты никогда не выгонишь бедную птицу на мороз. Попугай тоже это заметил...

– И поэтому он совершенно обнаглел и испортил мой лучший пиджак!

– Все еще можно поправить, – успокаивающе сказала Лола, – мы с Пу И отдали его в чистку.

– Если еще раз повторится что-нибудь подобное, я найду на тебя управу! – решительно заявил Маркиз попугаю, но в голосе его не было должной строгости.

В последний момент Лола решила взять с собой на дело Пу И. Во-первых, Маркиз ворчал, что звери мешают ему работать, во-вторых, Лола опасалась, что попугай опять подговорит Пу И и Аскольда на какие-нибудь новые каверзы, а в-третьих, если ей суждено болтаться по двору, то будет очень уместно взять с собой песика. Тогда они ни у кого не вызовут подозрений – симпатичная молодая женщина гуляет с собачкой.

Пу И не хотел выходить на холод, но Лола надела на него теплый клетчатый комбинезон и показала любимцу в зеркале, какой он в нем красивый. Лола перебрала свои шубы и остановилась на самой скромной дубленке – ни к чему привлекать к себе излишнее внимание.

Маркиз категорически отказался отвезти их на машине к дому номер восемь по Пушкинской улице, и Лола, обиженно надув губы, громко захлопнула за собой дверь квартиры.

На улице Пу И дал понять, что ехать на общественном транспорте он не собирается, и Лола взяла частника. Это было не очень-то хорошо, потому что водитель всю дорогу восхищался Пу И и, надо полагать, отлично запомнил и песика, и его привлекательную хозяйку.

Дом номер восемь на Пушкинской оказался самым обычным – в меру старым, в меру запущенным. Этажей в нем было пять, и на втором или на третьем в свое время вполне могли располагаться профессорские квартиры. Лола прошла по улице мимо дома и с удивлением заметила висящую на стене мемориальную доску: «В этом доме с 1895 по 1912 год жил и работал ученый и путешественник, профессор Лев Михайлович Ильин-Остроградский».

«Вот это да! – мысленно усмехнулась Лола. – Профессор-то, оказывается, знаменитость! Даже доска на доме висит...»

Лола обогнула дом и прошла под аркой во двор. Двор тоже ничем не отличался от множества других петербургских дворов – в меру загаженный, пропахший кошками, помойкой и бензином – какой-то умелец безнадежно копался в моторе стареньких «Жигулей».

Квартира номер восемь располагалась на третьем этаже, причем вход в парадную был со двора – очевидно, большую профессорскую квартиру в свое время поделили на две.

– Что же нам делать, Пуишечка? – спросила Лола. – Долго мы тут не протянем, замерзнем.

Пу И промолчал, он вообще был недоволен всей этой затеей. Лола взяла песика на руки и вошла в подъезд – не было там ни кодового замка, ни домофона. Подъезд тоже был типичным – в меру грязным, слегка вонявшим кошачьей мочой. Лола внимательно осмотрела почтовые

ящики – как ни странно, все были целые. Хлопнула дверь на третьем этаже, и Лола устремилась к выходу. У подъезда она столкнулась с почтальоном – немолодой женщиной с тяжелой сумкой. Почтальонша оставила входную дверь открытой, потому что на лестнице было темновато, и стала раскладывать почту по ящикам, близоруко шурысь.

– Здравствуйте, Зоенька! – послышался приветливый женский голос. – Для восьмой ничего нет?

– Здравствуйте, Елизавета Константиновна! – откликнулась почтальонша и отдала газету спускавшейся старушке.

Лола чуть не подпрыгнула от радости. Вот ведь повезло! Нужная ей Елизавета Константиновна Денисова сама идет навстречу, как зверь на ловца. Лола отошла подальше от подъезда и начала наблюдать за подъездом издали, подхватив Пу И на руки и спрятав его под дубленку.

Старушка вышла из парадной не сразу – очевидно, она вдоволь наговорилась с почтальоншей. Когда же она показалась на пороге, Лола опять обрадовалась – на поводке старушка вела симпатичного карликового пуделя, жемчужно-серого. Это была девочка. На пуделице тоже был теплый комбинезончик, очень аккуратный, но, несомненно, самошитый.

– Пу И! – прошептала Лола. – Нам повезло!

Из-за пазухи раздался тяжелый грустный вздох – очевидно, Пу И так вовсе не считал.

Интеллигентная старушка придирчиво оглядела двор и крепче сжала поводок. Потом она недовольно нахмурилась и потянула свою очаровательную пуделицу подальше от помойки.

Лола была с ней совершенно согласна – в этом дворе приличной собаке абсолютно негде погулять.

Они прошли несколько кварталов – старуха, по наблюдению Лолы, была еще вполне бодрой, – и свернули в переулок, чтобы оказаться на пустыре, какового, по мнению Лолы, в старых районах быть не могло – там же абсолютно все застроено. Но факт имел место – здесь не то снесли старый дом, не то вырубили старые деревья, сейчас, под снегом, было не видно.

Старушка спустила свою пуделицу с поводка, и та радостно засеменила в сторону.

– Пу И, – сказала Лола строго, вынимая песика из-за пазухи, – настал твой час! Ты должен познакомиться меня с хозяйкой того пуделя.

Пу И посмотрел на собачку и оживился.

– Пу И, ты должен вести себя прилично! Помни, что ты – собака интеллигентной хозяйки! – увещевала его Лола. – Оставь, пожалуйста, свои шуточки! Думаешь, я не знаю, как ты умеешь хулиганить?

Пу И удивленно покосился на Лолу.

– Да-да, если я тебя все время защищаю перед Ленею, это не значит, что я ничего не замечаю! И если ты обидишь эту симпатичную пуделицу, я тебе этого никогда не прощу!

Пу И отвернулся, говоря, что не больно-то и хотелось.

– Пуишечка, ну пожалуйста! – взмолилась Лола.

Она опустила песика на снег и только было собралась отстегнуть поводок, как вдруг огромный бордосский дог, непонятно откуда взявшийся, ринулся к несчастной пуделице, широко разинув клыкастую пасть.

Несчастливая оглянулась на хозяйку, но та была далеко.

– Дези! – закричала старушка, устремляясь к своей любимице. – Дези!

Дог летел огромными прыжками, пуделица в ужасе присела на снег, хозяйка ее остановилась, схватившись за сердце, и тут Лола, смелая и отважная Лола, исполнившая красивый длинный прыжок, сумела схватиться за волочившийся за догом поводок и остановить его на полном скаку.

Дог с размаху сел на снег и повернул к Лоле слюнявую морду. В глазах его Лола прочла полное недоумение: что, мол, случилось? Лола встала, по-прежнему крепко держа пса за поводок, хотя он и не думал вырываться.

– Вот спасибо-то! – послышался густой бас рядом с Лолой. – Как хорошо, что вы его поймали! А то удирает, подлец, как только я зазеваюсь...

Над Лолой возвышался огромный мужик в распахнутой красной куртке и спортивных штанах с лампасами. Желтая майка обтягивала его внушительный живот. В руке мужик держал банку пива.

– А вы не зевайте, – сердито сказала Лола, – такой пес огромный, у вас неприятности могут быть!

– Что вы, да он никого не тронет! – мужик просто излучал дружелюбие и беззаботность. – Он молодой еще, год всего, поиграть любит... Как увидит какую-нибудь собачку, так и бежит к ней...

– А играючи, голову не откусит? – с опаской спросила Лола, впрочем, она и сама уже видела, что пес не собирается ни на кого нападать.

Она всунула в руки хозяина собаки поводок и попыталась отчистить от снега дубленку, и тут как раз подоспела хозяйка пуделицы. Крепко прижимая к груди свое сокровище, старушка пошла в наступление:

– Неслыханно! Это просто неслыханно! Вы обязаны водить собаку в наморднике! Мы будем жаловаться в полицию, и вас оштрафуют!

Дог очень сконфузился, он ведь не хотел ничего плохого. Лоле даже стало его жалко. Хозяин же его, несмотря на свой малокультурный внешний вид, не стал отвечать старушке, где он желал бы ее видеть и куда хочет для этого ее послать. Он молча потянул пса за ошейник и удалился.

Старуха тотчас перестала метать громы и молнии, но ее пуделица наотрез отказалась спуститься на грешную землю.

– Дорогая! – обратилась хозяйка пуделицы к Лоле. – Вы не ушиблись?

– Нет, что вы, вот только вымазалась в снегу... – Лола вдруг вспомнила про Пу И и завертела головой.

Песик выскочил из-за дерева и помчался к Лоле. Он был такой очаровательный, весь в снегу, что Лола залюбовалась своим сокровищем. Старушка же всплеснула руками и закатила глаза:

– Боже, какая прелесть! Это ваш? Что же за порода такая?

Лола обстоятельно ответила, что порода – чихуахуа, что это очень древние собаки, выращенные в Мексике, и одно время даже считались они там священными. Песика зовут Пу И, как последнего китайского императора, Лола решила, что ему очень подходит такое имя.

Старушка от души с ней согласилась.

– Разрешите представиться – Дези! – церемонно произнесла она. – То есть это моя девочка – Дези, но мы все знаем друг друга по именам собак.

– Пу И, подойди сюда и познакомься с Дези, – позвала Лола.

Увидев такого симпатичного песика, а главное – маленького, Дези согласилась спуститься с рук хозяйки и немного поиграть с Пу И.

– Дорогая, позвольте поблагодарить вас за спасение Дези! – с чувством воскликнула старушка.

– Пустяки! – отмахнулась Лола. – У меня создалось такое впечатление, что эта махина, то есть бордоский дог, вовсе не собирался ее обижать. Он просто хотел с ней поиграть.

– Дези панически боится таких больших собак! В детстве ее покусал ротвейлер...

– О боже! – расстроилась Лола. – Бедная девочка!

– Поэтому мы стараемся гулять не в то время, когда выходят все большие собаки. Вот сейчас, например, двенадцать часов, обычно в это время хозяева уже выгуляли своих чудовищ и ушли на работу...

– Да-да, понимаю, – Лола оглядывалась по сторонам и заметила невдалеке, сразу за пустырем, вывеску небольшого кафе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.